

A photograph of a sunset over the ocean. The sun is a bright, glowing orb in the upper center, with long, radiating rays of light extending downwards. The sky is a mix of orange, yellow, and light blue, with scattered, soft clouds. The horizon line is visible in the lower third of the image, showing the dark, choppy surface of the water reflecting the light from the sun. The overall mood is serene and warm.

16+

Власова А. В.

Сказки с окраин

Анна Власова
Сказки с окраин

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Власова А. В.

Сказки с окраин / А. В. Власова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07097-4

От номинанта на ежегодную всероссийскую премию "Поэт года 2020" и обладательницы медали, приуроченной к 150-тилетию со дня рождения И. Бунина за вклад в развитие русской литературы, Власовой Анны Владимировны - книга "Сказки с окраин". Рассказы написанные в жанре фантастики, мистики и фэнтези с добавлением философии и романтики! Захватывающие приключения с интригующим сюжетом и необычным окончанием заставляют читателя погрузиться в волшебный и опасный мир борьбы любви и предрассудков.

ISBN 978-5-532-07097-4

© Власова А. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Замок	5
Симфония	31
1	31
2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Власова

Сказки с окраин

Замок

Несмотря на то что замок находился в самой чаще леса, к нему вела довольно широкая дорога, покрытая широкими плитами. Плиты давно разрушились и осыпались по краям. Сквозь них пробивались тонкие ростки травы и лесных цветов. Да и лес в далеком прошлом был небольшой рощицей, переходящей в парковую аллею и шикарный сад.

История рассказывала, что замок принадлежал графу Карчакину-Земникову. Литератору, книголюбу и просто хорошему человеку. За свою жизнь графу удалось собрать крупнейшую библиотеку разных книг. Чего у него только не было! От редких эксклюзивных томов классических произведений разных времен до папирусных свитков и фолиантов с древнейшими письменами. От рукописных исторических книг до глиняных табличек с первыми попытками письма. Все эти сокровища хранились за стенами старого замка.

Нередко в замок водили экскурсии. Гид рассказывала об увлечениях графа и его семье. Толпы туристов не спеша прохаживались по пыльным, небраным залам и комнатам с разрушенными, истлевшими остатками былой роскоши. На вопрос посетителей о том, почему замок не приведут в надлежащий вид, экскурсовод предпочитала отмалчиваться или переводила разговор на другую тему.

Но вскоре экскурсии пришлось прекратить. Случилось это после того, как несколько туристов получили серьезные травмы в разрушающемся здании. А кое-кто вообще пропал! В том числе и сама гид, которая знала замок как свои пять пальцев и многие годы водила экскурсии по его залам...

Лия остановилась напротив крепких, массивных дверей замка. Ко входу вели три потрескавшиеся мраморные ступени. Большие двустворчатые двери были обиты бронзовой пластиной с узором в виде виноградной лозы. Ручки дверей, тоже бронзовые, оказались под стать узору. Они представляли собой переплетающиеся лианы с листьями на конце.

Перед входом, на площади, располагался небольшой фонтан. Неработающий и пересохший. Однако в городке ходили слухи о том, будто иногда в бассейне фонтана накапливаются небольшие лужицы. И тогда в округе появляется запах железа. Ибо фонтан находится на месте родника железной воды. Но сейчас здесь было сухо и пыльно.

Лия окинула взглядом замок.

Некрупное готическое строение. Единственная башня со стрельчатыми, зарешеченными окнами поднималась над кронами деревьев. Ее острый шпиль был виден со всех уголков городка и чуть ли не из каждой квартиры.

Два этажа здания с ровными рядами больших темных окон. Большинство стекол оказалось разбитыми и треснувшими, а уцелевшие – мутными от грязи. Рассмотреть что-либо через такие окна невозможно. Мраморные плиты, облицовывающие замок, также имели глубокие, уродливые щели и отколы. Они поросли мхами и противными склизкими, липкими лишайниками. Часть одной из стен замка затянуло плющом и колючками. На земле валялись битые статуи, некогда украшавшие вход и фасад здания, а также фрагменты лепнины. На верху последнего этажа угадывался бордюр. Вероятно, там находилась какая-нибудь открытая терраса.

Наверняка замок имел и подвал, и фамильный склеп. Однако каких-либо упоминаний об этом нигде не было. Также ни в одном архиве или словесной легенде не говорилось о месте расположения известной графской библиотеки...

Девушка хорошо помнила утренний разговор с дядей. Старик очень странно посмотрел на нее, когда она сообщила, что собирается отправиться в этот замок.

– Мрачное это место и гиблое, – тихо проговорил Феликс Петрович. – Слышала ведь, сколько людей пропало? Чего тебя туда несет?!

– Пропало всего три человека, – парировала Лия. – И, насколько мне известно, двое из них были мужем и женой, против брака которых был отец невесты. Вот они и сбежали! А гид? Она старенькая уже была. Мало ли.

– Допустим, – нехотя согласился Феликс. – Но и до них там народу много пропадало.

– Дядя! Это не аргумент! В больших современных, цивилизованных городах каждый день пропадает уйма людей!

– Ну что? Что ты хочешь там найти? Что ты хочешь увидеть? – он понимал, что все равно не сможет удержать упрямую племянницу, но попробовать стоило.

– Библиотеку! – не задумываясь ответила Лия. – Ну, сделаю еще пару фотографий для сайта.

– Да нет там никакой библиотеки, – отмахнулся Феликс Петрович. – Старый граф все ценное по музеям роздал и по частным коллекциям распродал. Так пропавшая Нина Константиновна, экскурсовод наша, говорила.

– Зато фотки сделаю, – не унималась племянница.

– А коли тоже сгинешь? Что я родителям твоим скажу?

– Ты прям как моя мама! – надулась Лия. – Куда бы я ни собралась, даже просто в городской парк, так она мне целую лекцию читает! Туда не ходи, сюда не смотри, с такими не разговаривай и, вообще, сиди ты лучше дома. Никуда не ходи, – она вздохнула. – Дядечка, ну что со мной случится? Ты же знаешь, я осторожная и аккуратная.

– Вот именно потому, что я тебя знаю, мне эта затея и не нравится! – буркнул Феликс.

– И именно поэтому ты прекрасно понимаешь, что не сможешь меня удержать! – Лия ловко вскочила со своего места. Чмокнула дядю в щеку и, подхватив заранее приготовленный рюкзачок, побежала к входной двери.

– Не задерживайся допоздна! – только и успел прокричать ей вслед Феликс Петрович...

И вот она стоит перед замком.

Девушка потянула за ручку прочных дверей. Створка громко скрипнула, но не отворилась. Заперто. Странно. Какой смысл запирают двери, если в замок можно попасть через разбитое окно? Например, вон то, крайнее. Надо только убрать острый осколок стекла, что Лия и проделала, воспользовавшись своей кофтой, чтобы не порезаться.

Забравшись внутрь, девушка очутилась в просторном холле. Холодные каменные стены и пол были грязными, пыльными и пустыми. Лишь на потолке, скрипя старыми ржавыми цепями, висела большая древняя люстра, в коей еще сохранились черные огарки толстых свечей.

Холл, плавно ныряя под две невысокие арки, переходил в большой зал. По левую сторону, у самой стены, находилась широкая мраморная лестница с перилами. Они, как и все в замке, были сильно разрушены. Трещины, облезлая краска и позолота, истлевший за века ковер. На стене висели старые, истлевшие, местами покрытые копотью картины с портретами людей. Вероятнее всего, там были запечатлены хозяева замка, покинувшие эти стены уже очень давно.

В правой части зала виднелась дверь. Одна из створок сгнила и валялась на полу. Через образовавшийся проем можно было видеть небольшой переход в другую комнату. Между этой дверью и лестницей располагался длинный камин. На его пыльной полке стоял старый подсвечник. Пустой. Без огарка свечи. На полу перед камином гнил некогда богатый, дорогой ковер. У окна стоял массивный деревянный стол, хорошо сохранившийся, с резным затейливым ободом. На столе валялась разбитая или потрескавшаяся фарфоровая и хрустальная

посуда. Серебряные вилки, ножи и десертные ложки валялись по всей комнате вперемешку с прочим мусором – осколками ваз, статуэток, абажуров, картин и каких-то тряпок. Когда-то белоснежная скатерть грязной, почти черной драной тряпкой неуклюже свисала с края стола. Пять стульев с дырявой, выпотрошенной обивкой, пыльные и шаткие, были отодвинуты от стола или вовсе валялись...

Большой загадкой оставалось то, как за прошедшие века замок остался не разграбленным...

Лия решила вначале осмотреть весь первый этаж замка, а уж потом пробраться на второй. Осмотрев «гостиный зал», она прошла во вторую комнату. Уцелевшая створка тонкой двери с тихим шорохом упала на пол, распавшись на несколько крупных щепок.

Комнатка оказалась небольшой. Вдоль единственного высокого окна тянулась лестница на второй этаж. Без перил и поручней, но широкая и удобная. В комнате во всю стену стоял шкаф. Судя по всему, книжный. Но он был пуст. Рядом со шкафом приютился письменный столик, на котором лежал чистый лист бумаги. Как ни странно, бумага оказалась новой, современной. Однако Лия не обратила на это внимания. На стене над столиком висела картина. Кажется, это был натюрморт.

Сделав несколько снимков на мобильный телефон, девушка поднялась по лестнице. Два пролета ненадежных, осыпающихся под ногами ступеней привели ее на балкон. Балкон выходил на задний двор, где располагался огромный розовый сад. Вернее сказать, это место когда-то было садом. Сейчас розовые кусты разрослись, перепутались своими колючими ветками и переплелись с цепкими побегими диких лесных растений. Вдалеке, между кустами и деревьями, виднелась крыша конюшни. В некоторых местах она провалилась, в других заросла травами и мхами, как основное здание замка.

Оказавшись на свежем воздухе, прохладном и немного сыром, пахнувшем розой, землей и жасмином, Лия обнаружила, что уже темнеет. Наступает вечер. Неужели на осмотр «гостинного зала» и «читальной комнаты», как она окрестила про себя увиденные комнаты, ушло так много времени?! Порядка нескольких часов! А хотя, все может быть. В таких местах время летит незаметно...

Направляясь к выходу через главный зал, Лия вдруг остановилась. Что-то было не так. В комнате явно что-то изменилось! Мусор и пыль. Их не было. Стол. На нем стояла целая фарфоровая и хрустальная посуда, сервированная на три персоны. Чистая белоснежная скатерть покрывала столешницу. Появилась ваза со свежими бордовыми розами. Старая люстра на потолке горела новыми толстыми свечами, даря комнате скудное, но достаточное освещение. Большинство стекол в окнах были заменены и занавешены плотными синими шторами...

– Последнее время сюда редко заходят гости, – услышала девушка у себя за спиной чей-то голос.

От неожиданности она вздрогнула и отскочила в сторону, уронив при этом один из стульев. Стулья, кстати, так же оказались заменены на новые.

Говоривший был пожилым мужчиной с солидной проседью в волосах. На нем был черный фрак и светлая рубашка. За линзами толстых стекол очков скрывались маленькие серые глазки, пристально смотрящие на девушку. В руках мужчина держал полотенце и вазу с фруктами и орехами.

– Прошу прощения, – слегка улыбнувшись, проговорил незнакомец. – Я не хотел вас напугать.

– Кто вы? – настороженно спросила Лия. Она никак не ожидала, что в замке есть еще кто-то, кроме нее.

– Дворецкий, – пожал плечами мужчина. – Всего лишь дворецкий.

– А имя у вас есть... всего лишь дворецкий?

– Семен Николаевич я, – более дружелюбно улыбнулся он.

– Разве замок обитаем? – Лия постепенно начинала приходить в себя от испуга.

– Конечно! – ответил дворецкий, водрузив вазу с фруктами на стол. – Он всегда был и остается обитаем. Просто об этом иногда забывают. Приходится напоминать.

– Как можно забыть, живет кто-то в здании или нет?! И...

– Владельцы и хозяйева замка очень редко здесь бывают, – Семен Николаевич будто не слышал или не заметил, что гостья хотела сказать что-то еще. – Взгляните сами, что стало с ним за время их отсутствия!

– Но разве не в ваши обязанности входит следить за порядком? Тут все выглядит так, будто лет сто не убирались.

– В мои, – согласился дворецкий и добавил: – Я путешествую вместе с графом и его семьей. А по поводу остального вы абсолютно правы.

Лия не успела задать вертевшийся на языке вопрос. С каким графом путешествует Семен Николаевич? С дальним предком того самого графа, который собрал таинственную библиотеку? И насчет какого «всего остального» она оказалась права?

– Семен Николаевич! Вы получите выговор! – раздался звонкий, живой, немного игривый женский голос. – Предложите, наконец, нашей гостье сесть!

Лия обернулась. По лестнице спускалась уже не молодая, но еще и не совсем старая дама. На ней было строгое красное платье до колен и такого же цвета туфли на шпильке. На шее красовалось ожерелье из ровного ряда крупных жемчужин. И небольшой медальон с перламутровой вставкой.

– Прошу прощения, графиня, – Семен Николаевич учтиво поклонился даме и предложил Лии стул.

Графиня села напротив девушки за стол, сложив изящные белые руки на коленях.

– Я прошу извинить за этот беспорядок, – проговорила женщина, плавным жестом указывая на комнату. – Мы не ожидали сегодня гостей. Но будь уверена, за несколько дней мы приведем наш замок в порядок. Ничего, что я на «ты»? Ты такая юная...

– Ничего, – ответила Лия, постепенно успокоившись. – И простите за вторжение. Я не знала, что в замке еще кто-то живет.

– Да, мы довольно редко бываем в этих краях, – согласно кивнула графиня. – Кстати, забыла представиться. Графиня Карчекина-Земникова Мария Ивановна.

– Очень приятно. Я Лия Петрова, – представилась в свою очередь девушка. – А ваш титул так и передается по поколениям? Сейчас это большая редкость!

– Поколениям? – графиня на минутку замялась, но быстро пришла в себя. – Ах, да! Конечно! – женщина поспешила сменить тему разговора. – Прошу, угощайся.

К тому моменту на столе появилось несколько аппетитно пахнувших блюд и графинов с водой и вином. Оголодавшую за день Лию долго упрашивать не пришлось...

Графиня оказалась весьма разговорчивой особой. Она болтала почти не переставая, и Лия решила этим воспользоваться, спросив о библиотеке.

– О, да! – ответила Мария Ивановна. – У графа Льва Валерьяновича было огромное собрание книг. К сожалению, многие ценные книги и рукописи сгорели при пожаре в замке. Но кое-что уцелело.

– Я слышала, что библиотеку не могут найти, – заметила девушка.

– Ерунда! – отмахнулась графиня. – Всем в городке и в округе известно, что она находится в подвале. Граф специально оборудовал одно из помещений. Я тебе обязательно покажу! Только не сегодня. И не ходи туда сама, ноги переломашь. Лестница совсем там разрушилась, перекрытия еле держатся!

– Хорошо. Спасибо.

– Не за что, дорогая, – она сделала глоток красного вина из своего хрустального бокала. – Если бы ты только знала, как я рада, что нахожусь здесь сегодня не одна. Мой старший сын,

Агат, должен был приехать со мной, – графиня указала рукой на пустующее место за столом. – Но его задержали дела.

– Ого! – Лия взглянула на наручные часы. – Уже два часа ночи! Дядя, наверное, с ума сходит.

– Да, время позднее, – согласилась Мария Ивановна. – Оставайся на ночь. Я попрошу Семена Николаевича приготовить для тебя комнату. Не идти же тебе ночью через лес одной!

– Благодарю.

Графиня вышла. Лия достала телефон и набрала номер Феликса Петровича. Но он оказался недоступен, а сообщения дядя не читал. Но Лия, на всякий случай, отправила СМС Феликсу, написав, что остается ночевать в замке.

Тем временем подоспел дворецкий. Он повел девушку на второй этаж в одну из многочисленных комнат старинного здания.

Здесь, по одну сторону длинного коридора, тянулись большие и широкие окна. Между ними в проемах и нишах стены крепились огненные лампы, чередующиеся с высокими канделябрами. Цепи ламп, на которых крепились поддоны с живым огнем, тихо поскрипывали. Огонь трещал и дергался, отбрасывая на стены неровные тени.

По другую сторону тянулись многочисленные двери в комнаты. Некоторые были приоткрыты, другие сломаны, а третьи надежно заперты. Во всех помещениях царил тьма.

Небольшой зал разделял комнаты на два крыла. В зале присутствовал такой же беспорядок и хаос, как и везде в замке. Старая люстра не горела. Лампы еле-еле освещали изодранные стены и подсвечивали останки фамильного герба. Паутина и пыль толстыми слоями лежали на мебели. По полу гулял прохладный ветерок, гоня по раздолбанному камню мелкие соринки...

В самой дальней комнате горел свет. Именно сюда и привел уставшую Лию дворецкий.

Комнатка оказалась небольшой, но уютной. На прикроватном столике горела толстая свеча. Такая же свеча горела и на трюмо, расположенном слева от окна, занавешенного плотной зеленой шторой. Кроме свечи, вазочки с голубыми и розовыми незабудками, да изящного деревянного гребня для волос на трюмо ничего не было. Чуть левее вдоль стены стоял платяной шкаф из ценных пород дерева. Лие всегда хотелось иметь именно такой шкаф, с таким расположением полок и вешалок. К ее сожалению, подобных шкафов уже давно не изготавливали, а делать на заказ было слишком дорого.

Неширокую кровать с двумя резными бортиками застилало мягкое, теплое и приятное на ощупь постельное белье.

Поставив на столик поднос со стаканом воды и фруктами, Семен Николаевич удалился, пожелав гостье спокойной ночи.

Оставшись одна, Лия ощутила себя настолько уставшей, что, упав на кровать, мгновенно уснула и проспала крепким, спокойным сном до самого утра...

Открыв ранним утром глаза, девушка с трудом узнала комнату, в которой ночевала. Сквозь грязные стекла окна еле просачивался солнечный свет. Штор не было и в помине, как и трюмо напротив. Вместо него в углу валялась груда обгоревших головешек. Великолепный шкаф стоял покосившийся, без одной дверцы, вторая поскрипывала на ржавых петлях. Пыль, грязь, паутина царствовали во всей комнате! Кровать, на которой спала гостья, оказалась сломанной, без одного бортика. На чахлам прикроватном столике стоял стакан протухшей воды и разбитая ваза с остатками сгнивших фруктов.

– Да что ж такое?! – говорила сама себе Лия, непонимающее озираясь по сторонам. – Ведь все было по-другому. По-другому! Господи, – выдохнула она, поднимаясь с истлевших, рваных тряпок. – Неужели приснилось?

Лия вышла в коридор. Канделябры и лампы, очень старые, висели и стояли на своих местах. Обшарпанные двери зияли сумрачными проемами. В комнаты девушка даже не заглядывала. Сейчас здесь везде все одно и то же.

Она остановилась в зале. Ее внимание привлекла огромная, во всю стену, картина. Краска давно стерлась, местами полиняла, поэтому рассмотреть что-либо было практически невозможно. Однако Лия догадалась, что на картине в тонкой резной раме изображен граф со своей семьей. Девушка сфотографировала картину на мобильный телефон. Быть может, позже ей удастся найти в архивах городской библиотеки копию или реконструкцию произведения.

– Лия! Лия! Девочка моя, где ты? Лия-я-я! – донесся голос Феликса Петровича откуда-то с первого этажа.

– Лия! Лия! Отзовитесь! Лия! – раздавались мужские и женские голоса из всех концов замка. Вдалеке слышался лай собак-ищеек.

– Дядя, – опомнилась Лия и побежала вниз. – Дядя, все в порядке. Я здесь! Все хорошо! – она сбегала вниз по хрупким мраморным ступеням и обняла бледного, осунувшегося Феликса Петровича.

– Девочка моя! – пробормотал старик, стискивая племянницу в крепких объятиях. – Слава Богу! Жива! – он не выдержал и заплакал.

– Дядя, ну хватит тебе! – попыталась успокоить его Лия. – Ты же знаешь, я осторожная. Со мной никогда ничего плохого не случается!

– Слава Богу, жива... – только и повторял Феликс.

– Ты меня прости, пожалуйста, – продолжала девушка. – Я хотела тебе позвонить, сказать, что останусь на ночь в замке. Графиня была очень гостеприимна и добра со мной. Но твой телефон оказался недоступен. Я тебе СМС отправила. Ты, верно, не читал?

– Графиня? – переспросил Феликс Петрович, выпуская племянницу из объятий.

– Какая графиня? – в холл, в котором встретились и стояли Лия с дядей, вошел молодой человек.

Он был невысокого роста и плотного телосложения. Рыжая шевелюра с проблеском темно-каштановых волос оказалась слегка растрепанной. Синие глаза с беспокойством смотрели то на Лию, то на Феликса Петровича. Старые поношенные кроссовки с трудом увязывались с модными джинсами и футболкой.

– Графиня Мария Ивановна, – ответила девушка. – Я так поняла, она наследница рода Карчекиных-Земниковых.

– Но... – молодой человек запнулся. – Их род прервался сотни лет назад. В замке давно никто не живет.

– Этого не может быть! – рассмеялась Лия. – Они просто давно сюда не приезжали. Хотя... Все произошедшее немного странновато.

И она рассказала о своих приключениях в замке, добавив, что графиня обещала показать ей знаменитую библиотеку графа. Однако сейчас девушка не была уверена в том, что точно видела, а что нет.

– Это проклятое место, – проговорил незнакомец, дослушав рассказ. – Замок просто так еще никого не отпускал, – многозначительно посмотрев на Феликса, он отправился собирать людей, ищущих Лию, чтобы вернуться в город.

– Пойдем, выйдем, – сказал Феликс Петрович, потянув племянницу за руку. – А то стены давят.

Они вышли через дверь, которую сломали, дабы попасть в замок. На улице было свежо, но приятно. В кронах деревьев пели птицы. Рыжая белка с пышным хвостом уселась на бордюр фонтана, держа в лапках сосновую шишку.

– Кто этот человек? – спросила Лия. – И почему он так негативно относится к замку?

– Это Денис Игнатьевич Хитриков. Сын соседа. Он владелец городской библиотеки и знает все об этих краях. И если он говорит, что замок проклят, значит, это действительно так.

– Да бред это все, – отмахнулась Лия. Ей не хотелось верить в мистические особенности здания. Она уже забыла про некоторые странности прошедшего вечера и ночи. И ей очень хотелось вернуться сюда еще раз, пообщаться с милой графиней и посетить библиотеку графа...

* * *

И она вернулась. Спустя неделю.

Ранним утром, как только первые лучи солнца пробились сквозь густую листву деревьев, Лия отправилась в замок.

За прошедшее время в помещении старого здания мало что изменилось. Стало только немного чище. Зато сад во внутреннем дворе замка заметно преобразился. Кусты роз аккуратно подрезали, извели цепкие лианы диких растений, досадили несколько новых сортов шиповника и барбариса. Покосили заросли крапивы и репейника, выпололи мелкие сорные травы. В получившемся парке наметились неширокие мозаичные дорожки, начисто выметенные. В некоторых местах планировалось установить небольшие фонтанчики. Каменные чаши для них уже были приготовлены.

Лия залюбовалась красотой облагороженного сада. Вдыхая пряный аромат цветов, свежий лесной воздух с примесью запаха смолы, она не заметила, как из темного дверного проема второго этажа, ведущего на длинный балкон, за ней наблюдал молодой мужчина. Его зеленые глаза поблескивали хищным огнем в редких лучах света, проникающего в помещение. На лице появилась кривая улыбка...

Тем временем Лия поняла, что скоро начнет темнеть и что ее присутствие могут заметить. Отчего-то ей не хотелось встречаться сегодня ни с дворецким, ни с графиней, ни с кем бы то ни было из обитателей замка...

В следующий раз девушке удалось выбраться сюда лишь через полторы недели.

Вместе с ней отправился Денис Хитриков. Он говорил, что хорошо знает историю замка, как и историю жизни графа Карчекина-Земникова, но до сих пор толком не ответил ни на один вопрос. Лия подозревала, что Денис хочет просто чаще находиться рядом с ней, оттого и врет про замок.

У дверей Лия остановилась. Забираться внутрь тайком было как-то неудобно. Ведь она знала, что замок обитаем.

– Ты чего? – удивленно спросил Денис, отворяя дверь. – Передумала?

Не заперто. С чего вдруг? Их ждали? Совпадение? Или дверь не запирается с того раза, как ее сломали, когда искали девушку? И стекла в окнах все заменены.

– Нет, – Лия замялась. – Просто как-то неудобно без спроса...

– Без спроса? А у кого ты собралась разрешение спрашивать? – рассмеялся Денис. – У паутины или полуразрушенных стен?

– Графиня, – напомнила девушка.

– Лия, в замке уже сотни лет никто не живет! А графиня тебе, видимо, просто приснилась. Пошли! Если не передумала, – и он исчез в дверном проеме.

– Ничего себе «приснилась», – буркнула Лия и поспешила следом.

В холле произошли кое-какие изменения. Появилось большое овальное зеркало в тонкой позолоченной оправе, по бокам которого стояли высокие огненные лампы на длинных извитых держателях. Их чаши не горели, но были смочены какими-то благовониями. Между арками, ведущими в главный зал, появился занавес из прочной дорогой ткани. На стенах висели кашпо с пушистыми папоротниками.

Хитриков не мог не заметить этих изменений. Однако сделал вид, будто ничего не видит. Лия не стала заострять на этом внимание своего спутника. По таким местам ей нравилось бродить в одиночестве, и сейчас она думала, как и куда бы заслать Дениса.

– С чего начнем? – поинтересовался молодой человек, доставая из рюкзака фонарик.
– Хочу найти вход в подвал, – задумчиво ответила девушка. – Ты, случаем, не знаешь, где он?

– Не-а, – помотал головой Хитриков.

– Ладно. Тогда давай осмотри все там, в том крыле замка, а я – тут. Встретимся через полтора-два часа на этом месте.

– Идет. Только ты осторожней, – предупредил Денис. – Одна в подвал не лезь. Меня позови. Мало ли что...

– Хорошо.

– Ну, я пошел, – он махнул рукой и скрылся в сумерках мрачных помещений замка...

Лия выждала несколько минут. Когда отблеск фонаря Дениса перестал мелькать в темноте, она достала свой фонарь и направилась в другой конец строения.

Из холла вел еще один коридор. Дверь находилась в самой темной части комнаты и была крайне незаметной. Коридор оказался узким и еще более пыльным и грязным, чем все прочие помещения замка. С низкого сводчатого потолка клоками свисала паутина, под ногами периодически хлюпала вода. Пару раз Лия обо что-то споткнулась. Посветив под ноги, она обнаружила старую кость и большую дохлую крысу. В коридоре было сыро, холодно и душно. Пахло плесенью и гниением, трупами крыс и гнилой водой. Закрыв нос бумажным платком, Лия продолжала идти вперед. Этот кошмар должен был когда-нибудь закончиться!

Вскоре девушка вышла на неширокую лестничную клетку. Каменная винтовая лестница с потрескавшимися высокими ступенями круто поднималась высоко вверх. Башня, догадалась Лия. Она поднялась на несколько ступеней. Остановилась у зарешеченного длинного стрельчатого окна и толкнула покосившуюся деревянную дверь напротив, с ржавым железным засовом. Комната за дверью была крайне мала, без окон и мебели. На полу валялась разбитая глиняная миска. С потолка свисали цепи. В дальнем углу сидела жирная крыса, сверкая маленькими красными глазками. Судя по всему, у нее здесь где-то вход в нору.

– Камера, – тихо сказала Лия сама себе. – Это тюремная башня. Древняя темница.

Она не стала подниматься дальше. Ее внимание привлекла другая дверь, загороженная трухлявым бочонком. Этот вход случайно высветил фонарь в основании башни. Снизу его не было видно.

Лия с легкостью отодвинула бочонок, который от ее прикосновения развалился на две части, местами превратившись в мелкую труху. За дверью оказались ступени. Они сохранились намного лучше, чем ступени винтовой лестницы. Ход вел вниз. Некрутой плавный спуск привел девушку к другой, очередной, лестнице. Здесь проход слегка поворачивал, но так же плавно спускался вниз. Таких пролетов оказалось несколько, пока спуск не уперся в ровный мраморный пол.

Подвал был огромен! Осмотреть его весь не хватит и недели! Осознав это, Лия с досадой вздохнула. Отыскать тут библиотеку будет непросто. Посветив фонарем вокруг себя, она беглым взглядом оглядела окружающее пространство.

Зал был разделен несколькими стенами, не доходившими до высокого потолка, образующими отдельные комнаты. Многие из них не имели дверей или еще каких-либо заграждений. Другие прикрывались чугунными решетчатыми воротами или узкими массивными деревянными дверьми.

Лия подошла к ближайшим чугунным решеткам. Толкнула одну из створок ворот. Та громко скрипнула и приоткрылась. Лия с трудом протиснулась в образовавшийся проем. Пройдя по широкому переходу, она очутилась в просторном, хорошо освещенном помещении.

На стенах горели яркие факелы. С потолка свисали огненные люстры. В дальнем углу полыхала большая жаровня. В центре комнаты стоял длинный дубовый стол, на котором рас-

полагались бутылки с вином. Одни были откупорены, другие находились в ящиках, в горлышко третьих вставлялись воронки.

Лия подошла ближе. Помимо вина на столе стояли большие тазы, испачканные какой-то алой жидкостью, но явно не вином.

У жаровни девушка увидела целый ворох рваной, испачканной в крови одежды. Чуть дальше Лия обнаружила тех, кому могла принадлежать эта одежда. Несколько мертвых тел, раздетых, со вспоротыми венами и артериями, беспорядочно валялись вдоль всей темной стены помещения. Бледные, тощие, высушенные трупы людей говорили о том, что из несчастных забрали всю кровь. И этой кровью были испачканы тазы на столе! И ее смешивали с вином!

Лию замутило. Не этим ли вином угощала ее графиня тем вечером?

– Нет, не этим, – услышала девушка за спиной незнакомый мужской голос. Словно прочитав мысли, он ответил на ее вопрос.

Она обернулась. Перед ней стоял молодой человек с длинными волосами медового цвета и пронзительными зелеными глазами. Он снисходительно улыбался.

– Мне жаль, что ты это увидела, – продолжал незнакомец. – Неприятное зрелище для простого, непосвященного человека. Правда?

Его голос был чарующим и завораживающим. Он медленно приближался к Лие. Словно лев, готовящийся к решающему броску.

– Кто вы? – Лия попятилась, но уперлась спиной в прочную дубовую столешницу.

– Меня зовут Агат, если мое имя тебе что-то скажет.

– Не подходи ко мне! – предостерегающе сказала девушка, пытаясь обогнуть стол и приблизиться к выходу.

– Не то что? – злорадно поинтересовался незнакомец.

– Я буду кричать!

– И что? Да ты и пикнуть не успеешь! – рассмеялся он, останавливаясь в полушаге от Лии.

– Что все это значит? – растягивая время, спросила она, кивком указывая на испачканные кровью тазы.

– Напиток бессмертных, – холодно улыбнулся мужчина. – Не каждому смертному позволено употреблять его. Лишь единицы имеют на это право.

– Ты, значит, один из тех единиц?

– Я. И моя семья, – кивнул он, не сводя внимательного взгляда с Лии. – Проблема в том, что мы уже не совсем живые. – Агат выпрямился, готовясь нанести смертельный удар.

Лия почувствовала неладное. Агат ринулся на нее, но ей удалось уклониться. Он врезался в стол. Развернувшись, Лия бросилась к выходу. Зацепившись за край чугунной решетки, она порвала рукав куртки и оцарапала плечо. Не обращая внимания на сочившуюся кровь и порванную одежду, Лия побежала дальше. За спиной раздавался зловещный смех, глухим эхом разносившийся по залам подземелья, ледяным ужасом закрадывающийся в душу и звенящий в ушах. Лия бежала, не помня себя от страха.

Уже наверху, в длинном пыльном коридоре она споткнулась о расщелину в полу. Упала и выронила фонарик из рук. Тот упал, разбился и погас, оставив перепуганную девушку в кромешной темноте. Она встала, но от переживаний потеряла ориентир и не могла понять, в какую сторону ей двигаться дальше, чтобы выбраться отсюда. Лия оперлась о влажную, холодную стену. Решившись, она уверенно направилась вперед, надеясь, что движется в правильном направлении. Кто-то схватил ее за руку. Она вскрикнула.

– Не ори, дура! – раздался над ухом голос Агата. – Выход там!

Он потащил ее за собой в противоположную сторону.

– Не трогай меня! Пусти! – истошно вопила Лия, стараясь вырваться.

– Хватит дергаться. И прекрати уже кричать! – отвечал Агат. – Почти пришли.

Он втокнул Лию в холл. Только здесь, оказавшись в хорошо освещенном помещении, она перестала кричать и обернулась. Молодой человек стоял в тени незаметного дверного проема, по-прежнему криво улыбаясь.

– Ты ведь еще вернешься сюда, – не то спросил, не то констатировал факт Агат. Лия молчала. Тихо рассмеявшись, Агат плотно притворил за собой дверь. Негромко щелкнул ржавый, но прочный замок.

Опомнившись, Лия побежала искать Дениса.

– Денис! Где ты? Денис? – звала она.

– Я здесь! – Хитриков выбежал из-за угла. Взмокший, бледный и запыхавшийся. Он осматривал балкон и веранду верхнего этажа, когда услышал голос знакомой и поспешил к ней.

– Денис. Там в подвале... – девушка запыхалась не меньше его.

– Ты увидела приведение? – попытался пошутить он, снимая с волос Лии липкую паутину.

– Там кровь и трупы людей. Наверное, тех, что пропали. Их много. Больше десятка. А еще... – тараторила Лия, но Денис прервал ее.

– Я же говорил тебе не ходить туда одной! – укоризненно сказал он. – Зачем полезла? Вон коленку оцарапала, руку ободрала! – Денис вздохнул. – Да еще привиделось незнамо что.

– Мне не привиделось! – обиделась девушка. – Могу показать.

– Лия. Уже темнеет. Думаю, нам лучше вернуться домой. А трупами и исчезновениями пусть лучше полиция занимается!

* * *

– Лия знает про медальон? – спросил Игнат Васильевич, сидя напротив Феликса в мягком, глубоком кресле гостиной.

Густой дым от сигары почти полностью скрывал его полное красное лицо, покрытое легкой испариной. Редкая шевелюра коротких седых волос стояла дыбом. На дорогом коричневом пиджаке виднелись следы пепла и не отстиравшиеся пятна вина, но Игнат не обращал на это внимания.

– Еще нет, – ответил Феликс, беря со столика рюмку коньяка и вглядываясь в его насыщенный цвет.

– Завтра ей исполняется 21 год, если не ошибаюсь? – продолжал Игнат, потушив сигару и скрестив руки на животе. – Время пришло. Тебе придется передать ей медальон.

– Передать-то я его передам, – со вздохом проговорил Феликс Петрович. – Только вот что я ей скажу?

– Считаю, что всей правды говорить не стоит.

– Соврать? – усмехнулся Феликс и покачал головой. – Я слишком хорошо знаю Лию! Догадается. И начнет копать. И, поверь мне, докопается до истины!

– Возможно, ее сможет остановить Денис, – задумчиво проговорил Игнат Васильевич. – Они вроде как подружились...

– Вроде как, – передразнил Феликс Петрович, ставя рюмку обратно на стол, так и не сделав ни глотка. – Я другого боюсь.

– Графиня? – догадался Игнат. – Она не посмеет тронуть Лию, пока у той медальон. Даже ее треклятый сынок Агат не посмеет ее тронуть! А там мы уже с ними покончим. Замок будет наш!

– Твои слова да Богу в уши! – буркнул Феликс.

– Все будет хорошо. Вот увидишь, – допив свой коньяк, Игнат ушел домой...

* * *

Сегодня Лие исполнился 21 год.

Выйдя к завтраку, девушка получила от дяди шикарнейший букет тюльпанов и подарок. Где он достал эти цветы в данное время года, оставалось загадкой. Подарок удивил не меньше. В маленькой коробочке из темного бархата на ярко-красной атласной подушечке лежал медальон. Серебряные листья плюща и маленькие розочки из светлого золота составляли орнамент украшения. В центре изделия имелась нежная перламутровая вставка.

– Как красиво! – с придыханием вымолвила Лия. – Дядя, спасибо!

Она чмокнула старика в щеку, не выпуская понравившееся украшение из рук.

– Этот медальон – наша фамильная драгоценность, – проговорил Феликс Петрович. – В свое время твоя тетка, когда ей исполнился 21 год, получила его от своей бабки.

– Он такой восхитительный! Открывается? – Лия провела пальцем по боковой линии медальона.

– Нет. Это «обманка», – заверил племянницу Феликс Петрович, взял из ее рук цепочку и надел ей на шею. – Носи его не снимая! Это очень дорогая для нашей семьи вещь! А еще это очень мощный оберег от всякого негатива.

– Еще раз благодарю за подарок, дядечка! – девушка была в восторге, но немного путанные речи Феликса о наследовании медальона насторожили ее. – Дядя, а как он попал в нашу семью?

– Это долгая история... – попытался отмахнуться Феликс, но, поймав взгляд племянницы, с сокрушением поинтересовался: – Ведь не отстанешь?

– Не-а, – помотала та головой и приготовилась слушать.

Но тут в дверь постучали. На пороге стоял курьер с огромным букетом из цветов и конфет. К подарку прилагалась записка. На маленькой открытке неровным и поспешным почерком было написано поздравление.

– Кто прислал? – любопытствовал Феликс Петрович.

– Хитриков Денис Игнатьевич, – ответила Лия, расписываясь в ведомости. – Ненавижу эти конфеты!

– Он хотел сделать тебе приятно.

– Я знаю, – поморщилась девушка. – У него не очень-то вышло. Он прекрасно знает, что я не ем конфеты.

– Перестань привередничать! – наигранно сурово проговорил дядя. – И не забудь поблагодарить Дениса. Он все же старался!

– Непременно поблагодарю. Как только увижу, – Лия положила букет на стол. – Так что там с медальоном?

– Ах, да, – неохотно начал Феликс.

Но тут раздался телефонный звонок. Феликс Петрович был очень этому рад. Несмотря на то что звонили с фирмы о задержке доставки необходимого для производства сырья и требовали немедленного присутствия директора, то есть самого Феликса, он радовался, что разговор с племянницей откладывается на неопределенный срок.

– Извини, – наигранно сокрушенно сказал он, убирая мобильный телефон в карман. – Дела. Опять задерживают поставку. Поеду разберусь.

– Хорошо, – Лия допивала чай. – Я сегодня в библиотеке поторчу. Говорят, здание внутри очень красивое!

– Красивое. Старинное, – согласился дядя, надевая пиджак. – Только не задерживайся допоздна. Сегодня праздничный ужин. У нас будут Игнат Васильевич с женой и Денисом.

– Постараюсь...

Библиотека располагалась в самом центре городка. На вид это было неприглядное серое здание. С обшарпанными стенами, отбитым цоколем и старой черепичной крышей. Окна всегда были занавешены плотным тюлем, а по вечерам к нему добавлялись полупрозрачные бежевые шторы.

Однако внутри библиотека была иной. Полы и стены в коридорах покрывала гранитная плитка. Массивные дубовые двери с чугунными ручками и лампы-торшеры на высоких тумбах придавали коридорам несколько мрачноватый, но богатый вид.

Сама библиотека была попроще. Несколько этажей с рядами ровных книжных шкафов, деревянные лестницы на колесиках, позволяющие посетителям и служащим легко добираться до самых верхних полок. Старый деревянный паркет недавно сменили на новый, но некоторые половицы все же поскрипывали. Древние столы и стулья, за которыми сидели и читали, что-то переписывали посетители, стояли в два длинных ряда по центру главного зала. На столах, помимо настольной лампы, обязательно имелись чистая бумага для письма и ручка с карандашом. Помимо главного зала библиотека вмещала в себя зал для конференций, где обычно проходили городские собрания и презентации новых книг. Отдельное помещение было посвящено истории города и его окрестностей.

Туда и направилась Лия. История медальона не давала ей покоя. Дядя явно что-то темнил, чего-то недоговаривал. Кроме того, Лия не могла отделаться от мысли, что уже видела это украшение раньше, но где, вспомнить не могла. И это только сильнее разжигало ее любопытство.

Зал оказался совсем крошечным. Вмещал в себя всего три небольших книжных шкафа и четыре читальных столика. У маленького камина стояло старое, потрепанное кресло с подножкой, на котором восседала грузная тетка в очках и с пучком из волос на затылке – работница малого зала библиотеки. Когда Лия вошла, тетка даже не повернула голову в ее сторону, продолжая читать литературный журнал.

На столиках и в шкафах скопилась пыль. Было заметно, что зал не пользовался большой популярностью у публики. На столах даже не было бумаги и ручек, как в главном зале.

– Здравствуйте, – поздоровалась девушка с библиотекаршей. Ее голос утонул в мрачных стенах комнаты.

– Здравствуйте, милочка, – ответила тетка, приспуская очки. – Я тебя и не заметила. Что конкретно интересует?

Несмотря на свою тучность, женщина проворно встала со своего места, водрузив очки на место.

– Да, наверное, – проговорила Лия, растерянно оглядывая книжные полки. – Меня интересует история старого замка.

– Вот. Возьми, – библиотекарша не глядя вытащила с полки толстенную книжечку и сунула ее в руки девушке. – Здесь все о замке и его владельце Карчакине-Земникове.

– Благодарю, – Лия поспешила положить тяжелую книгу на стол.

– Только учти, милочка, книга читается здесь. На дом не выдается. Страницы не вырывать, ничего не подчеркивать и не рисовать даже карандашом! Переписывать и фотографировать разрешается!

Лия кивнула, усаживаясь на неудобный, жесткий стул и включая тусклую настольную лампу...

Чтобы прочесть всю книгу целиком, у Лии ушло бы несколько месяцев, даже если бы она жила в библиотеке круглосуточно. Поэтому девушка решила вначале просмотреть иллюстрации и фотографии, имеющиеся в фолианте...

На одной из страниц она обнаружила фотографию, сделанную в 1930 году. На черно-белом, слегка потертом изображении был граф с семьей. Достав свой телефон, Лия покопалась

в его памяти и выудила фото из замка – картина, которую она сфотографировала в зале на втором этаже. Один в один!

Девушка прочитала подпись под фото в книге: «На фотографии картина неизвестного художника. Граф Карчакин-Земников Лев Валерьянович с женой графиней Марией Ивановной, старшим сыном молодым графом Агатом Львовичем, дочерью средней молодой графиней Агатой Львовной и дочерью младшей юной Елизаветой Львовной. Родовой замок. 1807 год».

Лия смотрела на графиню. Мария Ивановна, с которой она недавно познакомилась, была практически полной копией жены графа! Наверное, их отличала только одежда. На картине Карчакины-Земниковы были облачены в наряды тех времен. Узнала она и молодого графа Агата, с которым столкнулась в подземельях замка.

И еще. Медальоны. Все члены семьи графа, в том числе и сам Лев Валерьянович, носили одинаковое украшение. Серебряные листья плюща с золотыми розочками и перламутровой вставкой! Точно такой медальон подарил Лие сегодня Феликс Петрович. Значит, это украшение принадлежит Карчакиным-Земниковым? Но как оно попало к дяде?

Лия перевернула страницу. Здесь от руки был изображен медальон. В закрытом и открытом виде.

– Открывается, – тихо сама себе прошептала Лия.

Следуя инструкции автора, она открыла тонкие створки. На одной из створок была фотография молодого человека с длинными, медового цвета, волосами и зелеными глазами. Он улыбался простой, приветливой улыбкой.

На другой стороне была гравировка: «Милая сестренка, помни меня!». На тыльной стороне медальона виднелась полустертая гравировка – А. Л.

Агат Львович, догадалась девушка. Значит, украшение принадлежало одной из сестер Агата. Когда-то. Но как и почему Карчакиной-Земниковой пришлось расстаться с такой, по-видимому, ценной вещью? Лия терялась в догадках. Вопросов становилось все больше, а ответов пока находилось чертовски мало!

Взглянув на часы, Лия поняла, что опаздывает на ужин. Дядя сильно огорчится, если она будет не вовремя и не сможет достойно встретить гостей. Он так дорожил дружбой с этими Хитриковыми! Лие они не очень нравились. Особенно глава их семейства Игнат. Скользкий и подозрительный тип...

Лия успела вовремя. Ей даже удалось не запыхаться. Надев свой любимый брючный костюм цвета слоновой кости и сделав незамысловатую прическу, девушка вышла в гостиную. Как раз в этот момент в дверь позвонили.

– Открывай! – сказал Феликс Петрович. – Это Хитриковы.

По случаю праздника Феликс облачился в бордовую жилетку и белоснежную рубашку, оставив ворот незастегнутым. Галстуки он терпеть не мог и надевал этот аксессуар только на деловые встречи.

Лия послушно отправилась встречать гостей.

На пороге, заслоня остальных, стоял, улыбаясь во весь полубеззубый рот, Игнат Васильевич. Он прошел в прихожую, вручив имениннице огромный букет розовых хризантем.

– Поздравляю, Лиечка, от всей души! – промычал гость.

– Спасибо, – натянуто улыбнулась девушка, передавая цветы дяде.

– Поздравляю! – жена Игната Вероника Эдуардовна, хрупкая, тихая женщина, просочилась между мужем и стеной в гостиную.

– С днем рождения! – последним вошел Денис. – Это тебе, – он вручил Лие тонкий футляр, в котором был изящный золотой браслет.

– Спасибо. Очень мило. Проходи, – она заперла за гостями дверь. – И спасибо за цветы и конфеты. Мне было приятно.

– Я рад, что тебе понравилось! – просиял молодой человек...

За столом текла неспешная светская беседа. Феликс и Игнат часто шутили по поводу возможной свадьбы Дениса и Лии. Вероника Эдуардовна всячески их поддерживала. Денис никак не реагировал, отмалчиваясь и иногда улыбаясь. А вот Лию это ужасно раздражало!

Не выдержав очередной «атаки», она вышла в другую комнату, сказав, что ей необходимо выпить таблетку от головной боли.

Девушка открыла окно. Комната наполнилась свежим ночным воздухом и городским шумом. Мимо дома проезжали машины, проходили случайные прохожие, пробегали, громко тявкая, собаки. Где-то, скрываясь под козырьками крыш домов и в кронах редких городских деревьев, щебетали птицы. Мимо уличного фонаря мелькнула небольшая тень. Летучая мышь.

Лия подняла глаза, глубоко вдыхая прохладный воздух. Замок. Отсюда была видна только башня с остроконечной крышей. В стрельчатых окнах горел свет. Его не было раньше! Наверное, это графиня, подумала девушка. Она вспомнила, как Мария Ивановна просила ее не ходить в подвал. Графиня специально соврала про сломанные ступени. А еще Лия не могла забыть зловещий смех Агата. И его глаза. Насыщенно зеленые, изучающие и таящие в себе неминуемую гибель, извечную многовековую грусть.

– У тебя о замке голова болит? – раздался голос Дениса у нее за спиной.

– Нет, – спокойно и немного отрешенно ответила Лия, пребывая в легкой задумчивости.

– Ты туда опять собираешься? – не унимался Хитриков-младший.

– Нет, – снова ответила Лия, но, кажется, это было неправдой.

– Собираешься. Я вижу, – обреченно вздохнул Денис.

– Много ты видишь! – буркнула девушка, но он не обратил на ее тон внимания.

– Что тебе там надо? Что тебя так привлекает? Неужели сын графини Агат?!

– Что ты себе позволяешь?! – возмутилась Лия, которой не нравился вызывающий тон Хитрикова-младшего. – Мы с ним не знакомы, – соврала она. Денису ни к чему знать правду, это его не касается. – А ты никак ревнуешь?

– Большая честь ревновать к покойнику! – криво усмехнулся молодой человек и осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

– Что? – не поняла Лия.

Ничего не ответив, Денис тихо чертыхнувшись, быстро вышел из комнаты...

* * *

Утро выдалось пасмурным. Резкие порывы ветра норовили оторвать вывеску у цветочного кладбищенского магазина. Временами принимался накрапывать дождь, но быстро заканчивался, даже не прибив пыль на дороге.

Старое кладбище находилось вдали от городка у самой черты леса. Оно являлось одной из достопримечательностей города. Славилось наличием нескольких довольно древних склепов и красивой архитектурой многих иных захоронений. Да и само благоустройство и ландшафтный дизайн кладбища было красивым.

Лия не спеша бродила по аллеям этого спокойного и тихого места, пока не вышла на центральную площадь. Здесь, в самом центре выложенной мозаикой площади, возвышалась огромная клумба. Вокруг нее полукругом стояли недлинные удобные лавочки. От площади неровными, чуть скошенными лучами в разные стороны разбегались более узкие тропинки, ведущие к древним фамильным склепам.

Если судить по книге истории городка, то вон та дорожка должна привести к склепу Карчекиных-Земниковых.

– Тетенька, а вы меня не проводите? – из задумчивости Лию вывел тоненький, звонкий детский голосок.

Лия обернулась. На нее смотрела...

– Лиза? – вырвалось у Лии.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросила девочка, хлопая длинными коричневыми ресницами. – Вам мама сказала?

– Карчекина-Земникова Елизавета Львовна, – Лия не понимала, что происходит, и как заученный урок тихо шептала полученную из книги информацию. – Но... это невозможно! – девушка схватилась за голову. – Ты же умерла! Умерла в... 1809 году!

Лиза молчала. Приветливая, робкая улыбка исчезла с ее милостивого лица. Она смотрела на Лию снизу вверх из-под бровей.

– Уходи отсюда! – громко рявкнул подбегающий к стоявшим Денис. – Слышишь? Пошла вон!

Лиза, испуганно поглядев на подбежавшего Хитрикова, попятилась.

– Ты что? – возмутилась Лия. – Не смей орать и пугать ребенка!

– Это не ребенок! – запыхавшись, проговорил молодой человек. – Это смертельно опасный ребенок! Идем отсюда, Лия!

– Нет. Я обещала ее проводить.

– Лия, пожалуйста...

– Уходите, – негромко прошептала девочка, перебив Хитрикова-младшего. Елизавета с ужасом смотрела на параллельную тропинку. – Уходите немедленно!

– Лия, беги! – рявкнул Денис, толкая ничего не понимающую девушку вперед.

Лия посмотрела в ту сторону, куда был устремлен взгляд маленькой Лизы. На одной из дорожек сгушалась тьма. Спиральными столбиками она поднималась от земли все выше и выше, втягивая в себя и закручивая опавшие листья и пыль. Эта мгла приближалась. От злоеющих спиралей веяло холодом. Они были пропитаны злом и страхом, запахом смерти и жутких страданий. Казалось, из спиралей доносятся крики и стоны многочисленных мучеников.

– Беги! – вопил Денис, увлекая Лию за собой.

– Господи, что это?! – спрашивала она, оборачиваясь на бегу.

– Не оборачивайся! Беги!

Тут одна из спиралей отсоединилась от остальных. Она выстрелила вперед, словно стрела, ухватив Дениса за ногу. Он упал. Пытаясь высвободиться, он царапал ногтями землю и щебень тропинки. Хитриков извивался, пытаясь подняться, но снова падал. Любые попытки оказывались тщетными!

– Денис! – Лия остановилась, чтобы помочь.

– Беги! – заорал на нее Хитриков. – Не оборачивайся! Беги! И не снимай медальон! Никогда не снимай медальон!

Его слова потонули в густой спиральной тьме.

Лия, не помня себя от страха, бежала не останавливаясь. Она выбежала из ворот кладбища, пробежала по центральной площади, чудом не попав под колеса автомобиля. Пересекла несколько кварталов знакомого района и вбежала в дом Феликса.

– Дядя! – закричала она что было сил. – Дядя, где ты?

– Лия? – Феликс Петрович вышел из своего кабинета. – Девочка моя, что случилось? На тебе лица нет!

Перепуганная и рыдающая Лия сбивчиво рассказала о произошедшем...

* * *

Феликс Петрович и Игнат Васильевич стояли позади старого кладбища.

– Это произошло здесь, – проговорил Феликс. – Лия хорошо запомнила и описала это место.

– Пошли.

– Игнат! – Феликс ухватил приятеля за локоть. – Ты же знаешь...

– Я хочу видеть! – сухо и раздельно произнес Хитриков, выдергивая руку.

Она прошли чуть дальше по тропинке. Здесь стали попадаться следы засохшей крови и обрывки ткани. Это была разодранная в клочья одежда Дениса.

Чем дальше продвигались Феликс и Игнат, тем больше становились лужицы крови. Она еще не успела полностью высохнуть. Под кустом сирени, росшей у дороги, они обнаружили грязный, рваный ботинок Хитрикова-младшего. А чуть правее, возле высокой остроконечной чугунной ограды одной из могил, Игнат увидел сына. Вернее то, что от него осталось.

У ограды сидело подобие человеческого тела. Обнаженные кости, переломанные в самых немыслимых местах, белели словно маяки для стервятников. Из тела торчали ошметки разорванных мышц и сухожилий. Часть плоти и остатки одежды оказались разбросаны в радиусе метра от трупа. В черепе остался только один глаз, наполовину вылезший из глазницы. Второй вытек, его доклевывала какая-то черная птица.

– Нет, – медленно выдохнул Игнат. – Боже мой, нет! – заорал он. – Денис! Сынок! Не-е-ет!!!

Игнат Васильевич упал на колени перед телом. Он беспомощно махал руками, ведь обнять сына он не мог. Обнимать было нечего.

– Они ответят за это! – яростно бормотал он. – Они ответят за гибель моего мальчика! Это случилось из-за них!

– Ты ведь знаешь, что это не они сделали, – сказал Феликс Петрович, подходя ближе, стараясь не смотреть на изувеченное тело Дениса. Он положил руку на плечо Игната и сильно его сжал.

– Не они? А кто? Кто это сделал?!

– Демоны...

– А эти твари, значит, люди, по-твоему? Нет, Феликс, они все заодно! – Игнат встал с колен. – Это надо прекратить раз и навсегда. Замок должно уничтожить, стереть с лица земли! Вместе со всей этой мразью!

– Не торопись с выводами, Игнат. Ты забываешь историю...

– С какими выводами, Феликс?! А если бы сейчас на месте Дениса лежала твоя Лия? Как бы ты поступил? Что бы ты сделал?

– Не знаю... – признался тот.

– Я долго ждал и терпел, – продолжал Хитриков. – И не я один, но и десятки моих предков. Но хватит! Слышишь? Хватит! Скоро всему этому кошмару придет конец. Агата никогда не получит свой медальон обратно, а значит, договор с Духом будет нарушен. Замок перейдет в мое распоряжение, как и эти Карчакины-Земниковы. Я их всех уничтожу! – Игнат резко развернулся и зашагал прочь, не обращая внимания на попытки Феликса успокоить его.

* * *

Лия сидела в своей комнате одна.

Дядя еще не вернулся с похорон. Дениса хоронили в закрытом гробу на том самом злополучном кладбище. У Лии не хватало духа вернуться туда снова. Простившись с погибшим в стенах морга, она вернулась домой.

Девушка вспоминала все, что случилось, и пыталась расставить все на свои места. Но мысли путались, а при воспоминании о черной спирали ее начинало трясти. В памяти всплывали и моментально гасли последние минуты того жуткого дня, заволакивая память и сознание липким туманом ужаса.

В дверь постучали. От неожиданности Лия вздрогнула и выронила чашку с чаем, которую держал в руках. Посуда разбилась, чай растекся по полу, затек под край толстого ковра

у кровати, слегка обжигая босые пятки. Лия встала и как во сне пошла открывать дверь. На пороге стояла графиня.

– Здравствуй, Лия, – поздоровалась она своим звонким голосом. Он эхом отозвался в сознании девушки, постепенно возвращая ее в реальность.

– Здравствуйте, Мария Ивановна. Проходите.

– Я ненадолго, – предупредила графиня, входя в комнату. – Я знаю, что произошло. Мне рассказала Лиза.

Лия молчала. Она была настолько опустошена и подавлена, напугана и растеряна, что сама не понимала, что с ней происходит, что ей нужно делать и что говорить.

– Я хочу знать правду, – наконец вымолвила девушка.

– Я понимаю, – кивнула графиня. – За этим я и пришла. Но разговор у нас получится довольно длинный, а я ограничена во времени сегодня. Да и Феликс Петрович скоро придет. Поэтому я хочу пригласить тебя к себе. Приходи в замок, как сможешь.

– Хорошо.

– До встречи, Лия, – на пороге Мария Ивановна остановилась и добавила: – Ничего не бойся, милая. Тебе ничего не угрожает. Ведь у тебя есть очень мощный оберег.

Скользнув взглядом по медальону, графиня ушла. Лия снова осталась одна...

* * *

День выдался не особо солнечным. Редкие лучи светила редко выглядывали из-за плотных низких облаков. Дождя не было, но где-то далеко гремел гром, а горизонт озаряли молнии. Гроза, скорее всего, пройдет стороной. Несильный ветер был прохладен, но не настолько холоден, чтобы горожане начали кутаться в теплые куртки или пальто.

Настенные часы в кабинете Феликса Петровича пробили двенадцать раз. Лия тихо вышла в гостиную. Дяди там не оказалось. Наверное, уехал по делам, решила девушка. Оставив Феликсу записку, что идет гулять, Лия вышла на улицу.

Ее внимание привлекли две женщины в кафе напротив. Одну из них она узнала. Это была мать покойного Дениса Вероника Эдуардовна. Вторая женщина скрывала свое лицо в тени широкополой шляпы темно-синего цвета. Одетая дама была в длинное темное платье, довольно закрытое, из плотной тяжелой ткани. Лия видела, как дама передала Веронике круглый шар, наподобие тех, которыми пользовались колдуньи и гадалки.

– Не смотри в ту сторону, дочка! – одернула Лию проходящая мимо старушка.

– Почему, бабушка? – поинтересовалась она.

– Ты, видно, не местная, да? – сочувственно покачала головой незнакомка и продолжила: – Там сидят две самые страшные и опасные ведьмы нашего города! Сколько народу стугбили! Со свету жили! – запричитала старушка. – А Вероника Хитрикова самая жестокая из них! Она даже сына своего не пожалела ради своих целей. Слышала, небось, что с Денисом Игнатьевичем случилось? Об этом только и говорят сейчас везде! Это ее рук дело! Гореть ей в аду! – бабка плюнула в сторону двух женщин и трижды перекрестилась.

– Да как же так... – Лия прекрасно помнила тот день на кладбище, но старушка, кажется, знала больше.

– Да вот так! – вздохнула рассказчица. – Вероника помешана на бессмертии. А для этого обряды надо какие-то специальные совершить и жертвоприношения. Чтобы духов умаслить, Сатане угодить. Господи, помилуй! – старушка снова перекрестилась.

– А вы откуда знаете?

– Да то, милая, все в городе знают. За этими обрядами и колдовством ее не раз видели. Вот теперь и жертва нашлась!

– Но он же ее сын! – ужаснулась Лия.

– У таких, как она, ничего святого нет, – завершила незнакомка.

...Лия шла по заросшей папоротником тропе. Она размышляла над словами старушки, о недосказанной дядей истории о медальоне, о толстой книге в библиотеке. И пока картина складывалась не особо радужная. Получалось, что медальон, некогда принадлежавший Агате Карчакиной-Земниковой, попал к Феликсу Петровичу каким-то не совсем честным путем. В этом всем была замешана и семья Хитриковых. Вероника Эдуардовна, являясь, судя по всему, потомственной колдуньей, приносит в жертву своего сына Дениса, чтобы получить бессмертие. Знает ли об этом Игнат Васильевич? Знает ли об этом Феликс? А может, они все в сговоре? И при чем тут тогда граф и его семья? Чем для них так ценны эти медальоны?

Лия остановилась. Ей резко расхотелось идти в замок. Предчувствуя что-то нехорошее, она направилась в городскую библиотеку, в малый читальный зал.

Грузная библиотекарь сразу ее узнала.

– Это снова ты? – спросила женщина, приспустив очки.

– Здравствуйте, – негромко поздоровалась Лия.

– Книгу по истории замка? – догадалась тетка.

– Да, пожалуйста.

– Сейчас, – библиотекарь ловко поднялась с кресла и вышла из зала.

Странно, ведь книги отсюда нельзя забирать и выносить. Хотя про «выносить» Лие было неизвестно. В ожидании библиотекарши она села за столик, включив пыльную и тусклую настольную лампу.

Дверь негромко скрипнула. Послышались неспешные, уверенные шаги. Они явно не принадлежали грузной тетке! Лия обернулась. Рядом с ней стоял Агат с книгой в руках. Он смотрел на нее сверху вниз, как показалось Лие, не очень добрым взглядом.

– Я предчувствовал, что ты не придешь сегодня в замок, – сказал он, кладя книгу на стол перед девушкой.

Агат сел за соседний столик, скрестя руки на груди, и задумчивым взглядом уставился в пространство.

– Почему? – Лие сделалось немного страшно.

Она напряглась, словно струна, готовая в любой момент сорваться с места и бежать куда подальше от непонятного, липкого чувства тревоги и опасности.

– Я тебя не трону, – усмехнулся Агат, выходя из своей задумчивости и переводя взгляд на Лию. – К сожалению, я не имею на это право. Будь это не так, и ты, и твой дядя, и все эти Хитриковы давно были бы уже мертвы.

– Почему? – вновь повторила вопрос Лия, облизнув пересохшие губы. Под пристальным и пронизательным взглядом Агата ей сделалось совсем нехорошо.

– Сия история очень стара, – криво улыбнулся он, словно радуясь ее полубморочному состоянию.

– Расскажешь? – Лия пыталась унять бешено бьющееся сердце.

Агат глубоко вздохнул, как бы раздумывая над тем, стоит ли ему посвящать Лию в некоторые детали истории или оставить это книге, лежавшей перед девушкой.

– Род Хитриковых берет свое начало из древней династии колдунов, – наконец заговорил он. – Эта династия достигла больших успехов и высот в своем искусстве черной магии. Их боялись и ненавидели очень многие. В далеком прошлом Хитриковым почти удалось достичь бессмертия. Оставался всего один, последний обряд. Жертвоприношение родного дитя. Но... Дальняя родственница Игната не смогла провести этот обряд. Это оказалось выше ее сил! Тогда, спустя несколько столетий, за дело взялся Игнат. И, как я понимаю, почти довел дело до конца.

– Разве Дениса убила не Вероника?

– Они оба друг друга стоят, – покачал головой Агат. – На самом деле, Вероника лишь жалкое подобие ведьмы. Своего рода прикрытие для Игната. Естественно, она тоже мечтает о бессмертии и вечной молодости, надеется, что ее благоверный не откажет ей в этом и даже поможет.

– Убить собственного ребенка ради бессмертия?! Какой ужас!

– Возможно, – пожал плечами молодой человек.

– А при чем тут мой дядя и медальон?

– В тот день должна была состояться свадьба Агаты и Мирона Хитрикова, одного из предков Игната. Сестра Мирона Лидия, которая не смогла принести в жертву свое дитя, решила погубить мою сестру. Лидия предполагала, что моя сестра станет неплохой заменой ее чаду на жертвенном алтаре. Она попыталась отравить Агату, но перепутала чаши и погубила служанку. Потом Лидия подстроила несчастный случай во время конной прогулки. Но в результате пострадала сама. Будучи парализованной и прикованной к постели, она уже никак не могла навредить Агате, а значит, все силы и обряды пропадали впустую. Тогда Лидия попросила своего друга помочь ей расправиться с Агатой. Предок твоего дорого дяди воткнул нож в спину моей сестры. В доказательство того, что она тяжело ранена и находится на предсмертном одре, он взял ее фамильный медальон.

Лия молчала. Ей было неприятно узнать, что кто-то из ее предков оказался жестоким убийцей. Но больше ее пугало то, что она общалась сейчас не просто с потомком семьи Карчакиных-Земниковых, а с самым натуральным свидетелем тех событий. Графиня, Агат, Лиза были теми самыми людьми с картины. Но как?!

– У каждого из членов нашей семьи есть такой медальон, – Агат продемонстрировал свой и, убрав обратно под майку, продолжил: – В них наши фотографии. Это неразрывная, неразделимая цепь, связь нашего рода друг с другом. Медальоны имеют очень древнюю и сильную магическую силу. Например, если кто-то из нас погибнет неестественной насильственной смертью и духи посчитают это несправедливым, то они вернут этого человека к жизни. Так вышло и с Агатой. Только она уже не была прежней... – Агат горько усмехнулся. – Плата за воскрешение и бессмертие оказалась высокой. Никто из нашей семьи больше не умер. Мы превратились в бессмертных. Среди людей нас называют вампирами, – он сделал паузу, наблюдая за реакцией девушки.

Она сидела бледная. Ее трясло. Обняв себя за плечи, Лия рискнула поднять глаза на собеседника. Он изучал ее и, кажется, был доволен тем, что она боится.

– Мы отомстили за Агату, уничтожив почти всех Хитриковых, – продолжил он. – Их смерть была долгой и мучительной. Лидии также удалось выжить. Находясь на предсмертном одре, она прокляла нас. Теперь той семье, в руках которой находился медальон Агаты, мы не могли причинить вред. Еще Лидия «завещала», что, если по прошествии нескольких сот лет, медальон не вернется к своей законной владелице, замок перейдет во владение Хитриковых, а вся моя семья станет своего рода их рабами. Медальон пытались вернуть многие люди. Уж больно любили они моего отца и семью. Но, – Агат развел руками. – Ничего не получилось.

– Им помешали? – тихо спросила Лия.

– Не совсем так, – немного подумав, ответил молодой человек. – Медальон следовало передать непосредственно в стенах замка. И тот, кто осмелится снять его там, сгорит заживо. Медленно. В адском пламени. Этого несчастного можно было бы «спасти». Но тогда человек стал бы вампиром, как мы. Поэтому медальон передавался из поколения в поколение сугубо по женской линии. Считалось, что женщины более слабые, нетерпеливые и трусливые.

Агат замолчал. В зале наступила тишина. Все, что услышала Лия, не укладывалось у нее в голове. Вампиры, ведьмы, колдуны, духи и проклятия – это все сказки! Она всегда была в этом уверена. Лия сжала виски руками, ощутив под пальцами четкую сильную пульсацию. Казалось, в помещении не хватало воздуха. Тело покрывал холодный пот.

– Этого всего просто не может быть! – быстро проговорила она, стараясь сохранить сознание. Агат в очередной раз усмехнулся. Не спеша поднявшись, он открыл единственное в зале окно. Внутри ворвался поток прохладного свежего воздуха, всколыхнув пыль с мебели. Лия глубоко вздохнула.

– Твой дядя связан клятвенным обещанием с Хитриковыми, – добавил Агат, прежде чем уйти. – Он присягнул им на Книге Мертвых в верности и поклялся никогда не возвращать медальон. Нарушение данного обета грозит вечным проклятием.

Он ушел, тихо притворив за собой дверь. Лия сидела в растерянности перед теперь уже ненужной книгой. Ее мысли путались и скакали с одной на другую. Резко вскочив со стула, она поспешила домой.

У дверей квартиры Лия остановилась. Если Игнату удастся заполучить бессмертие, он сровняет замок с землей в отместку за свою династию. А несчастный граф, семья которого, может, и не во всем поступала правильно, уже достаточно настрадалась и полностью расплатилась за свои грехи. А что будет с ней, Лией? Что будет с Феликсом? Какие зловещие планы у Игната Васильевича на этот счет?

Феликс Петрович был в квартире один, и Лию это порадовало. Наконец они смогут спокойно обо всем поговорить.

– Дядя, я все знаю, – Лия решила не ходить вокруг да около, начав с самого главного.

– О чем ты, девочка моя? – Феликс отложил газету и непонимающе уставился на племянницу.

– О медальоне. О Хитрикове. О замке.

– А-а-а, – протянул дядя. – Ты об этом...

– Об этом. Агат рассказал, – она тяжело вздохнула. – Ты ведь знаешь, когда заканчивается срок возвращения медальона?

– Агат, – задумчиво повторил Феликс Петрович, и в его глазах появилась легкая печаль.

– Я хочу знать, когда, – упорствовала Лия. – Это все надо прекратить!

– Нет, Лия, – твердо сказал Феликс, строго взглянув на племянницу. – Даже не думай об этом! Ты погибнешь!

– Дядя, неужели ты не понимаешь, что мы все давно уже погибли, когда наши предки присягнули Хитриковым?! Ты не думал, что Игнат Васильевич сделает с нами, когда добьется своего? Он не посвящал тебя в эти планы?

– Не посвящал, – об этом Феликс думал не раз и очень хотел верить, что Игнат не сделает ничего плохого. Но он не был в этом уверен. – Игнат одержим идеей мести, согласен. Но...

– Он не остановится, – спокойно проговорила Лия. – И в данном случае мы спасаем еще и себя, нашу семью.

– Лия. Я не могу допустить, чтобы ты погибла.

– Если я сниму медальон в замке, то умру, – задумчиво сказала девушка, глядя сквозь Феликса. – Если я этого не сделаю, то все равно умру. Игнат наверняка об этом позаботится. Жить под его диктатурой я не смогу. Обретя бессмертие, он захочет обзавестись слугами и рабами. Так что, по любому, меня ничего хорошего уже не ждет. Но я имею право выбирать, как погибнуть! – она сделала паузу и, удостоверившись, что дядя ее правильно понял, повторила вопрос: – Когда надо вернуть медальон?

– Сегодня. В день рождения Агаты. До полуночи. Несколько сот лет назад ей должно было исполниться 21.

– Успею, – сказала Лия, вскакивая с места.

– Подожди, – Феликс ухватил ее за руку. – Я тебя отвезу. Там есть одна дорога, в объезд города. И еще, – он отошел к комоду, открыл один из ящиков. – Там будет Игнат с Вероникой, она, может, и плохая ведьма, но неладное почуять может.

– И что?

– Вот, возьми, – Феликс Петрович держал в руках небольшую бархатную коробочку. – Это дешевая и грубоватая подделка. Подменишь медальон в замке. Так вернее. Я долго ждал подобного момента, часто думал, как и что лучше сделать, – он вздохнул. – Заранее сделал дубликат медальона. Только вот представить себе не мог, что это окажешься ты...

– Спасибо, дядя, – Лия крепко обняла старика. – Я очень тебя люблю!

– Я тоже люблю тебя, девочка моя, – еле найдя в себе силы выпустить племянницу из объятий и не заплакать, он глянул на часы. – Пора...

Машина затормозила перед узким мотиком, перекинутым через неширокую лесную речку. Подъехать ближе оказалось невозможно. Машина не помещалась на мосту. Отсюда до замка всего ничего, но дорога сильно заросла бурьяном и крапивой. Побегу прочно переплелись между собой и мешали идти, не говоря о том, чтобы бежать.

Лия спотыкалась о незаметные коряги, цеплялась ногами за траву. Несколько раз она упала, поскользнувшись о булыжник. Одежда намочила и испачкалась в земле, нога болела после последнего падения, но это не помешало девушке довольно быстро добраться до цели. Скоро она выбралась на ровную, утоптанную тропу, ведущую к подъезду замка.

На первом этаже горел свет. Из приоткрытого окна доносилась спокойная негромкая музыка. Слышался звон посуды и голоса гостей.

Лия забарабанила в дверь. Створка отварила. На пороге с подсвечником в руке стоял Семен Николаевич, одетый в бордовый праздничный фрак. Он бы печален. Но его грусть сменялась выражением удивления, когда он увидел девушку.

– Вы? – растерянно произнес дворецкий.

– Тс-с! – Лия приложила палец к губам, просачиваясь в холл. – Где Агата?

– В гостинном зале, – все так же растерянно ответил дворецкий.

– А Хитриковы?

– Там же, – кивнул Семен Николаевич.

– Отлично.

Лия достала коробочку. Поменяв медальоны местами, она отправилась в зал.

– Вы уверены, что хотите этого? – осторожно спросил дворецкий, приподнимая зачехленную свечу над головой.

– Да, – решительно кивнула девушка. – Пора исправлять ошибки прошлого.

– Но вы... погибнете!

– Я уже погибла, – загадочно улыбнулась девушка.

Проходя мимо арок, Лия взглянула на себя в зеркало. Из голубоватого стекла в тонной позолоченной раме на нее смотрела бледная, взъерошенная особа. В растрепанных каштановых волосах запутались березовые листочки и семена каких-то растений. Синие джинсы в районе колен оказались испачканы землей и травой. Белая кружевная футболка разорвалась в некоторых местах.

Появляться в таком виде перед хозяевами и гостями вечера ей не хотелось. Лия по возможности отряхнулась и пригладила волосы. Разорвав футболку и обнажив одно плечо, завязала концы на талии красивым узлом. Удовлетворенно кивнув своему отражению, девушка вошла в зал...

Здесь было довольно многолюдно. Лия догадалась, что здесь присутствуют как сторонники Хитриковых, так и соратники Карчакиных-Земниковых. Кто есть кто, выяснять она не стала.

Молоденькая белокурая девушка в сиреновом платье встала из-за рояля. Раздались аплодисменты. Девушка слегка поклонилась и отошла в сторону. Это была Агата. На бледном лице отчетливо выделялись яркие розовые губы и насыщенно-зеленые глаза. Она была грустной и печальной. Сдавшейся и потерявшей всякую надежду на спасение. К ней попеременно под-

ходили гости и участники вечера, что-то говорили и снова возвращались в свои уединенные кружки, продолжая беседы. Агата казалась потерянной и несчастной.

Такой же потерянной выглядела и графиня Мария Ивановна, сидевшая в изящном кресле возле горевшего камина. Она держала в руках хрустальный фужер с красным вином и рассеянно смотрела по сторонам, изредка кивая и отвечая на задаваемые вопросы. Ее муж, граф Лев Валерьянович, которого Лия видела впервые, стоял возле нее, придерживаясь за спинку кресла. Граф оказался невысокого роста и плотного телосложения, с добродушным выражением лица, небольшой лысиной в светлых волосах.

Агат находился рядом с Агатой, пытаясь всячески поддержать сестру. Малышка Лиза устроилась на толстом ковре у ног графини, обнимая и прижимая к себе большого плюшевого зайца. Как и все Карчакины-Земниковы, Елизавета выглядела потерянной и расстроенной.

Игнат и Вероника Хитриковы, злорадно улыбаясь, посматривали на каминные часы. Они ждали часа своего триумфа! Заметив яростный взгляд Агата, Игнат поднял свой бокал:

– За здоровье изменницы! – одними губами произнес Хитриков и тихо захихикал.

Агат что-то прошипел в ответ.

Недолго думая, Лия направилась к Агате. Карчекина-Земникова заметила ее. Судя по лицу именинницы, она пыталась вспомнить, где видела Лию раньше, но не могла.

Заметив приближение знакомой, Агат напрягся. Защитные силы медальона все еще ощущались, но Лию они уже не оберегали. Она стала уязвимой.

– Здравствуй, Агата, – поздоровалась Лия, подойдя ближе.

– Здравствуй, – немного растерянно ответила та. – Извини, но я тебя не помню... – немного смущенно добавила она.

– Мы навряд ли знакомы, – проговорила Лия, протягивая бархатную коробочку. – Это тебе. С днем рождения!

Дрожащей рукой Агата приняла подарок, с трудом открыв не слушающимися от волнения пальцами несложный замок. Ноги Агаты подкосились, когда она увидела, что лежало внутри. Брат едва успел подхватить ее, не дав упасть. Он пододвинул стул, усадив на него плачущую сестру.

– Ты... – всхлипнула Агата, поднимая глаза на Лию и не зная, что сказать. Столько лет страха неизбежного порабощения, томительного ожидания унижений. А теперь? Она и ее семья спасены?

– Надень, – Лия взглянула на часы. До полуночи оставалась одна минута. – Время еще есть.

Агат помог сестре застегнуть замочек медальона. Часы на каминной полке пробили двенадцать.

Игнат, стоявший лицом к окну и не видевший происходящего, приосанился.

– Ну вот и все! – громко сказал он. – Замок теперь мой, и все здесь принадлежит мне!

– Ну, не совсем, – отозвалась Лия. Она чувствовала свою уязвимость и незащищенность перед всеми этими людьми и вампирами каждой клеточкой своего тела. Сейчас произойдет что-то непоправимое!

Игнат Васильевич резко обернулся.

– Нет! – воскликнул он. – Этого не может быть!

– Теперь это ни к чему, – Лия сорвала с шеи фальшивый медальон, бросив его на пол. – Все кончено. Ты проиграл.

– Не-е-ет!!! – вопил Хитриков, хватаясь за голову и падая на колени. – Нет! Нет! – он задышался от ярости. – Все пропало! Все оказалось зря! Нет, черт возьми, нет!

– Это тебе за гибель невинных людей. Наверняка твои жертвы исчисляются десятками, – продолжала Ли. – И за гибель Дениса ты тоже в ответе.

– Что ты наделала, дрянь?! – взвизгнула Вероника, подбегая к мужу и обнимая его, пытаясь утешить и поддержать. – Будь ты проклята, жалкое отродье!

– И еще кое-что, – раздался голос Феликса Петровича. Немного запыхавшийся и всклокоченный, он появился в зале. – Это Книга Мертвых, на которой когда-то мои предки присягнули тебе в верности, Игнат. – Феликс вынул книгу из пакета, который держал в руках. – Так вот. Ярываю этот договор! Мои родные присягнули тебе из страха быть проклятыми. И, по сути, сами обрекли себя на погибель, не телесную, но духовную. Я не боюсь твоих проклятий. Пусть мой род будет свободен!

– Ты не посмеешь! – зашипела Вероника. – Ты не посмеешь!

– Уже посмел, – спокойно заметил Феликс Петрович и кинул Книгу к ногам Хитриковых. – Договор расторгнут!

Книга Мертвых вспыхнула и мгновенно сгорела. Духи потусторонних миров признали решение Феликса верным.

– Будь ты навеки проклят! – закричала Вероника, срывая голос. – Ты и все твои предки!

– Да будет так, – со смиренным вздохом ответил Феликс.

В зале наступила тишина. Слышалось только потрескивание дров в камине и тихие всхлипы Агаты и графини. Редкие вздохи гостей и шуршание одежд от незаметных, осторожных движений гостей.

Тишину нарушил негромкий гул, раздавшийся где-то поблизости. На полу вспыхнула пентаграмма, в центре которой оказалась Лия. Невысокое адское пламя медленно сужалось от края к середине. Оно все ближе подбиралось к человеческой плоти. Лия ощущала жар огня. Комната плыла перед глазами от едкого дыма. Ноги подкосились, и она упала на колени, заслоняя руками глаза. Липкий страх нарастал, грозя перерасти в панический ужас.

– Лия! Лия! – словно вдали слышались крики Феликса Петровича. – Не трогайте ее! Заберите меня! – он рыдал, в бессилии метаясь вокруг пентаграммы. Магические силы огня не подпускали его к своей жертве.

– Это тебе наказание за предательство! – злорадствовал Игнат. – Мой сын погиб ради своего отца. Духи выбрали его своей жертвой. А Лия погибнет из-за твоей глупости!

– Я ни о чем не жалею, – тихо проговорил Феликс, перестав метаться и не сводя глаз с племянницы. – Она сама сделала свой выбор. Меня наказывают через нее за то, что я не нашел в себе сил прекратить все это раньше. Мне жить с этим. А ты, – он взглянул на Хитрикова. – Ты за все ответишь...

Огонь давно щипал кожу. Одежда медленно тлела. Еще немного, и Лия вспыхнет, как факел. И будет гореть. Долго. Медленно. В лапах адского пламени быстро не сгорают и не умирают. Пока огонь не насытится человеческой плотью, не насладится страданиями и мучениями жертвы и духи не решат, что тело очистилось, человек будет гореть.

– Ты ничего не сделаешь? – еле слышно спросила Агата, дотрагиваясь до плеча брата. – Она же спасла нас.

– Если бы не ее предки, то ничего этого и не было бы, – холодно заметил Агат, не сводя глаз с Лии.

– Это было давно, – Агата смотрела перед собой, словно переносясь мысленно в далекое прошлое. – Один человек ошибся, заставив страдать многих других. Другой испугался, подвергая опасности близких. В результате страдают целые династии, роды, поколения. Разве это справедливо?!

– Ошибки всегда тяжело исправлять.

– Ты считаешь, они не искупили своей вины? Живя в постоянном страхе перед этими колдунами?

– А мы? Мы недостаточно страдали? – вопросом на вопрос ответил Агат. – Лия только недавно обо всем узнала, – ни с того ни с сего заметил он.

– Тогда почему должна расплачиваться только она одна? – не унималась сестра, заметив колебания брата. – Хитриковы виноваты поболее ее и ее семьи. Их и надо карать.

– Она не должна... – словно самому себе сказал Агат.

Лия уже почти ничего не видела в дыму. Она задыхалась от гари и ужаса. Огонь почти вплотную приблизился к ней. Пощипывания пламени сделались больнее. В этот момент кто-то рывком поднял ее с колен. Из последних сил девушка открыла глаза. Агат. Он стоял в центре пентаграммы и держал ее в своих объятиях. Его зеленые глаза внимательно смотрели на Лию. Даже сейчас, находясь в одном шаге от смерти, она тонула в них, забывая о мучительной, неизбежной опасности.

– Выходи за меня, – быстро проговорил Агат.

– Что? – не поняла Лия. Может, она просто не расслышала, что он сказал? Или это пламя искажает звуки?

– Выходи за меня, – повторил Агат, более четко произнося слова. Он хотел добавить, что это единственный шанс для Лии остаться в живых, однако вовремя спохватился. Девушка сама должна принять решение. Ведь это означало стать такой же, как он и его семья.

– Странный момент ты для этого выбрал, – заметила она.

– Самый подходящий, – заверил ее Агат. – Так что? Согласна?

– Согласна, – тихо прошептала она.

Они стояли в центре зловещей огненной пентаграммы. Пламя остановилось и, ярко вспыхнув, вскинулось на высоту несколько метров. Затем огонь погас, оставив на ковре магический обугленный знак.

Агат прижимал к себе Лию. Испуганную, растрепанную, в тлеющей одежде, но отвечающую на его поцелуй...

* * *

Свет в зале задрожал. Несколько светильников погасло. Огонь в камине зашипел и притих. Теплый, тяжелый воздух заполнил помещения. Пыльный ветер ворвался в замок, принеся с собой земляную пыль и старые опавшие листья.

Присутствующие устремили взоры в дальний конец зала. Там, из плотной шевелящейся мглы, пропитанной пеплом, землей и тленом, от которой веяло холодом и страхом, показалась человеческая фигура. Незнакомец в черном свободном одеянии, скрывающий лицо под глубоким капюшоном, был на порядок выше всех, кто находился в замке. Он словно парил над всеми в темном тумане и темноте, закручивающейся смертоносными спиральями вокруг его ног. На шее неизвестного висело колдовское ожерелье-оберег из костей и черепов, засушенных ягод и драгоценных камней. В руке пришелец держал длинный жезл, горящий на конце ярким живым огнем.

– Повелитель! – благоговейно воскликнула Вероника, падая ниц, приблизившись к темному мареву.

– Мой Повелитель! Мой Господин! – вторил жене Хитриков. – Меня предали! Меня, твоего самого верного слугу и ученика, предали эти люди!

– Они не предавали тебя, – послышался глухой, замогильный голос, словно разом говорили сотни мертвецов. – Обряд был прерван еще сотни лет назад, и твоя клятва была нарушена.

– Что? – не понял Игнат. – Как это? Не может быть! Оставался последний этап. Человеческая жертва. Жертва родного ребенка!

– Любой обряд имеет срок своего действия, – усмехнулся Демон. – И многие из них нельзя прерывать или затягивать, иначе они теряют свою силу. Тебе должно было быть это известно... ученик.

– Но...

– Без «но»! – перебил Демон. – Лидия не смогла умертвить свое дитя в отпущенный ей срок. Этим она нарушила ход обряда бессмертия. Гибель Агаты уже не смогла бы ничего изменить. Да и на тот момент Карчекина-Земникова не являлась женой Мирона, а значит, не являлась родственницей твоим предкам, – пришелец тяжело вздохнул. Жаль, что подобное приходилось объяснять потомственным колдунам! – Смерть твоего сына, посему, так же оказалась бессмысленной. Ведь обряд был прерван. Ты должен был заново пройти все этапы.

– На это ушли бы годы! – воскликнул Хитриков, негодуя.

– А ты думал, путь к бессмертию легок и прост? – хмыкнул Демон. – Это не так. Многие колдуны и маги за всю свою жизнь не успевают пройти и половину пути к заветной цели. Но тебя, похоже, не волнует напрасная смерть сына? – пришелец пошевелился, склонив голову на бок.

– А должна? – усмехнулся Игнат. – Я специально его для этого растил! Специально ждал этот проклятый лунный день! А теперь получается, напрасно...

Демон замолчал. Он раздумывал над дальнейшей судьбой Хитриковых, заглядывая в их прошлое, настоящее и будущее. Они потомственные колдуны, злые и алчные, жадные и жестокие, одержимые культом бессмертия и ненавистью ко всему живому, отличающиеся неуважением даже к мертвому. Сколько судеб погубил их род, сколько напрасных жертв они принесли духам и потусторонним силам, ни разу не раскаявшись ни перед кем за свои промахи и ошибки. Что могли заслужить такие маги? Разве что вечные адские мучения!

– Гореть вам в адском пламени вечно! – наконец произнес Демон.

Огонь на конце жезла вспыхнул и посыпал искрами. В тот же момент вокруг Игната и Вероники вспыхнуло пламя. Плотное горящее кольцо сжалось вокруг их тел. Языки огня безжалостно вгрызались в человеческую плоть, уродуя и корежа ее, обугливая до самых костей. Но плоть не думала сгорать, постоянно останавливаясь, чтобы сгореть заново. Хитриковы кричали и извивались в цепких лапах огня. Они умоляли о пощаде и молили о смерти, раскаивались в своих деяниях, но было уже слишком поздно. Демон не слушал их, вынеся свой приговор. По его молчаливому приказанию Игната и Веронику отволокли в преисподнюю липкие темные спирали.

– Данный твоими предками договор расторгнут, – обратился Демон к Феликсу Петровичу, когда вопли и крики Хитриковых стихли в небытии. – Ваш род освобожден от каких-либо обязательств и перед ними, и передо мной. Но Лия к тебе не вернется. Теперь она Карчекина-Земникова. Лия останется здесь, в замке, вместе с мужем и своей новой семьей, – предчувствуя вертевшийся на языке Феликса вопрос, пришелец добавил: – Это не означает, что вы не сможете видеться. В качестве исключения я, так и быть, допускаю подобную поблажку.

– Спасибо, – тихо повторял Феликс, утирая ладонью слезы со щек. Слезы щипали глаза, но он был рад, что все закончилось именно так...

* * *

С тех пор прошло несколько лет.

Для большинства замок оставался необитаем. Постепенно экскурсии по древним местам возобновились. Новый гид, Феликс Петрович, водил немногочисленные группы туристов по благоустроенным аллеям розового сада, показывал старую конюшню с проломанной крышей и отреставрированные залы, и комнаты замка. Особое внимание он уделял новой картине на втором этаже старого здания. На большом холсте в красивой и дорогой золотой раме с перламутровыми вставками, была изображена семья графа. Под картиной висела табличка;

«Граф Лев Валерьянович Карчакин-Земников с женой Марией Ивановной, средней дочерью Агатой Львовной, младшей дочерью Елизаветой, старшим сыном графом Агатом Льво-

вичем и его женой графиней Лией Константиновной. Семейный замок. Работа неизвестного художника».

Симфония

1

Тихая, спокойная река протекала по лесному извилистому руслу. Она неспешно несла свои чистые холодные воды мимо высоких вековых деревьев. Ее берега были пологи и невысоки. Самый крутой и высокий берег не превышал полутора метров.

По берегам росли могучие кудрявые клены и толстые ясени с черными влажными стволами. Гибкие, тонкие и изящные ивы склонялись над прохладными водами. Пушистые ели и корявые бронзоствольные сосны ярко выделялись своей изумрудной хвоей на фоне более светлой зелени прочих деревьев. Рябины преимущественно росли парами или тройками из одного ствола. Густые заросли орешника и бузины произрастали чуть в стороне от реки.

Русло было неровным, часто петляло, загибало в крутые повороты. Временами попадались невысокие пороги-перепады. Тогда течение реки заметно усиливалось. Соскользнув с перепада, вода слегка пенилась и недовольно журчала, чтобы потом вновь успокоиться и приостановиться.

В этом месте река текла особенно спокойно. Казалось, что здесь природа замирает сама по себе. Никаких посторонних шумов. Даже звери и птицы вели себя осторожнее и тише, словно боясь нарушить какую-то особенную природную гармонию.

Через реку был перекинут горбатый мост. Каменную основу покрывали толстые деревянные доски, неплохо сохранившиеся за свою столетнюю историю. Парапетом мосту служили тяжелые черные цепи, крепившиеся к каменным и деревянным столбикам. Переправа казалась прочной и надежной, но все же идти по ней было опасно. В любой момент доски могли не выдержать и треснуть.

На противоположном берегу между молодыми, но достаточно высокими лесными деревьями просматривался одичавший сад.

Мостик примыкал к небольшой площадке, вымощенной ровными гранитными плитами. Сквозь плиты уже давно пробилась лесные травы и мхи, но это лишь придавало определенный шарм данному месту.

Несколько неровных коротких ступенек поднимались к прогулочной площадке, огороженной невысоким каменным ограждением. На парапете в каменных шарах с отверстием в центре виднелись засохшие растения. Это уцелевшие и одичавшие останки некогда прекрасных и пестрых клумб. Некоторые шары-вазоны были пусты. В их дырах поселились белки и летучие мыши, обустроив вазоны на свой лад.

Когда-то от прогулочной площадки шла ровная утоптанная тропинка, посыпанная гравием и гранитной крошкой. Но она давно заросла. Высокие поросли крапивы и пушистые пучки осоки, густой папоротник заполнили все в округе. Разросшиеся кусты шиповника, одичавшие яблони и груши, росшие вперемешку вишни и черноплодная рябина господствовали в заброшенном саду.

Но уже через несколько метров сад постепенно уступал место лесу. Плодоносящих деревьев и кустарников становилось меньше. Чаще попадались ели и березы, дубы, ясени и рябины.

В центре этого лесного сада стояло старое строение, некогда принадлежащее музыкальной школе. Оно служило подсобным помещением, где хранилась старая ненужная мебель и сломанные музыкальные инструменты, находились архивы нот музыкальных произведений и личные дела учащихся. В недрах подсобки валялись старые рваные полотна занавеса и грязные потерявшие вид ковры. Все, что приходило в негодность, несли и складировали сюда.

Сама музыкальная школа – величественное здание с вестибюлями, украшенными колоннами, и просторными классными комнатами, с вместительными концертными залами и широкими светлыми коридорами – была полностью разрушена в годы войны. От школы уцелел лишь цокольный этаж. Да и тот был уже практически полностью захвачен и уничтожен лесом.

А вот подсобка уцелела. Через битые стекла в окнах внутрь проникал свет и корявые ветки близрастущих деревьев и кустарников. Паркетный пол давно сгнил. На его месте росла трава, папоротник и невысокие кустики бузины. Обшарпанные стены зияли дырами с обгоревшими бревнами, просматривающимися сквозь отколотую каменную кладку. На некоторых кирпичках еще можно было найти следы старой штукатурки, затерявшейся среди мхов и лишайников.

В одном из дальних концов помещения стояли старые шкафы. В пыльных кожаных папках, потрепанных временем, лежали полуистлевшие листы нотной бумаги. Сотни музыкальных этюдов и зарисовок были запечатлены на нотных станах. Это и известные произведения великих музыкантов, и лучшие дипломные работы выпускников школы за всю историю ее существования, и просто интересные и красивые музыкальные композиции. Все это бесцельно оставалось лежать в шкафах, обреченных на медленное исчезновение.

В другом конце помещения, за годы потерявшего все межкомнатные перекрытия, стоял большой сундук. Толстый амбарный замок давно проржавел и валялся рядом. В сундуке лежали истлевшие ткани. Возможно, когда-то они служили занавесками или покрывалами-чехлами на стулья.

Но было здесь одно место, которое ничуть не изменилось со времен своего существования. В самом центре здания, куда проникали косые лучи солнца через большой провал в дряхлой крыше, на уцелевшем паркетном пятачке стоял красивый белоснежный рояль.

Паркет был словно новый. Он блестел и сверкал чистотой, будто его только что натерли. Яркий белый инструмент с клавишами из слоновой кости и позолоченными педалями сиял отполированной поверхностью. Крышка рояля всегда была открыта, а нотный стан всегда был пуст.

Светившие солнце и луна четко попадали именно на это место, освещая музыкальный инструмент и днем, и ночью. Рояль стоял словно в ожидании музыканта, который вот-вот должен выйти из леса, чтобы нарушить привычную тишину старинной нежной мелодией. Он стоял и ждал, но музыкант все никак не приходил, и тогда рояль сам начинал играть симфонию...

* * *

Степана всегда привлекали старые заброшенные здания. Чем древнее они были, тем лучше. И неважно, что это было когда-то: столовая или конюшня, церковь или усадьба, больница или постоялый двор. Ему нравилось ощущать время и историю, угадывать, какие события и деяния происходили в стенах зданий, как они повлияли на ход истории или в чьей судьбе сыграли ту или иную роль.

Степан любил слушать тишину. Ведь она могла так много рассказать о постройке. Скрип половицы или оконной рамы на ветру, хруст ветки и мусора под ногой, шорохи на крышах и в темных углах, писки мышей и крики сов. Царапанье суков о гнилые стены и осыпающаяся крошка каменных кладей, тяжелое звяканье цепей и глухой звон случайно задетого колокола. Все это отголоски времени, которое завораживало и заставляло мечтать, думая о вечном и нетленном.

Из своих путешествий Степан приносил не только множество красочных, ярких, а порой мрачных и ужасающих фотографий, рисунков и поэтических зарисовок, но и кучу интересной информации об изученном объекте. Его исторический сайт, посвященный этим заброшенным зданиям, пользовался большой популярностью и у студентов разных направлений, и у ученых,

и у простых обывателей, ищущих вдохновения для своих работ или просто интересующихся мистическими феноменами. Каждый находил здесь что-то свое, что-то интересное.

Однако Степан не считал себя ни блогером, ни ученым. Он путешественник по времени. История, природа и загадки насыщали его сильной положительной энергетикой. А если удавалось еще и выяснить, что за объект он исследовал, то это граничило с состоянием легкой эйфории. Этой жизненной энергии и вдохновения Степану хватало на все рабочее время, проводимое в офисе. Ведь путешествовал он только во время отпуска...

* * *

Зима в этом году выдалась снежная, но теплая.

Снег блестел и переливался всеми цветами радуги под ранними лучами солнца, окутывая ветви деревьев. Из нетронутых сугробов и наносов чернели корявые суки кустов и засохшие стебли трав. Там, где летом петляли тропы, на снежном настиле виднелись звериные следы. Стайки птиц облепляли рябины, уничтожая богатый урожай. Другие пернатые лакомились остатками семян из замерзших растений.

На невысоких холмах и на склонах оврагов снег порой и вовсе отсутствовал. Серая замерзшая земля с остатками опавшей листвы и сухой травой, запахами почвы и тлена, тонкими и толстыми полосками просматривалась среди могучих и изящных деревьев.

Степан остановился возле горбатого мостика, перекинутого через неширокую спокойную речку. Егерь сказал, что вода здесь никогда не замерзает. Даже в самые лютые морозы! А сейчас стояла хорошая зимняя погода. Немного морозная, но приятная. Степан пожалел, что одел на прогулку слишком теплый свитер. В сочетании с хорошей зимней курткой он оказался излишним.

Дойдя до середины моста, путник посмотрел вниз. Темные воды не спеша текли по своему привычному пути. Изредка в реке можно было заметить упавший сук или соринку. У противоположного берега речка сильно мельчала. Подводные камни выступали на поверхность. Одни из них непрерывно омывались водой. Иные, особенно крупные, оказались припорошенными сверху снегом. Вода тихо журчала, сливаясь с гармоничной лесной тишиной.

Постояв некоторое время на мосту и сделав несколько фотографий, Степан прошел дальше. Перейдя мост, он снял лыжи, на которых сюда добрался, и, воткнув их в снег вместе с палками, поднялся по ступеням на прогулочную площадку.

Пройдя вдоль заснеженного парапета, не привлечшего его внимания, молодой человек перешел в лесной сад. Здесь снега было больше. При первом же шаге Степан по колено провалился в сугроб. Однако возвращаться за лыжами не стал. Впереди виднелось несколько невысоких бесснежных холмиков, и он надеялся, что дальше сугробы окажутся не такими глубокими.

Но он жестоко ошибался. Отойдя от первого же холмика всего на пару метров, Степан по пояс провалился в снег! Путник на какое-то мгновение даже не понял, что произошло. Он просто шагнул, а в следующее мгновение снежный наст оказался чуть ли не под носом. Испуганная белка, наблюдавшая за ним с низкой ветки березы, стремглав рванула на макушку дерева. Любопытная сорока молча склонила голову набок.

Степан рассмеялся, поражаясь своей наивности. Ведь егерь предупреждал его, что в лесу полно больших ям и оврагов, ныне хорошо замаскированных снегом. Как он мог об этом забыть?

Выбравшись из ловушки, Степан отряхнулся и, вооружившись длинной палкой, продолжил свой путь...

Наконец впереди показались серые стены старого здания. Путник остановился сделать несколько фотографий. Уж больно выигрышно смотрелась разрушенная подсобка на фоне темных деревьев, украшенных шапками снега и высохшими плодами.

Степан продолжал фотографировать лесной сад и подсобку, когда ему показалось, что он слышит музыку. Тихую, спокойную и гармоничную мелодию, безумно красивую и завораживающую. Он прислушался, опустив фотоаппарат и перестав щелкать затвором. Может, ему померещилось? Кто мог так красиво играть в лесу на рояле? В местах, настолько удаленных от жилых поселений, что сюда редко кто добирался даже из чистого любопытства?

Нет, мелодия слышалась отчетливо. И доносилась она из уцелевших стен подсобки! Не раздумывая, Степан поспешил на звук симфонии, стораемый от любопытства увидеть, что же все-таки происходит...

Он остановился в проеме огромной дыры в стене, некогда оставленной боевым снарядам, угодившим в здание в годы войны. Его взору предстал яркий пятячок света, внутри которого стоял рояль. Покрытый тонким инеем паркет блестел в лучах полуденного солнца. Гладкую крышку инструмента покрывали опавшие сухие желто-коричневые листья, небольшие тонкие веточки и гроздочки черноплодной рябины. На табурете воздушной горкой покоился снег.

Степан прошел внутрь здания и приблизился к инструменту. Клавиши из слоновой кости и позолоченные педали опускались и поднимались сами собой, извлекая из рояля чарующие звуки. Нотный стан был пуст.

Околдованный симфонией, путник сел на табурет, стряхнув с него мокрый липкий снег. Он прикрыл глаза, наслаждаясь волшебной музыкой, не прерывающейся ни на мгновение.

Так шло время. Степан не заметил, как сгустились сумерки и наступила ночь. Как похолодало, и как посыпал снег крупными кружевными хлопьями. Как усилившийся ветер завывал в стенах здания. Он не видел, что луна, вышедшая из-за туч, осветила путь огромному серому волку, бродившему неподалеку. Волк неспешно прошествовал к роялю и лег рядом с путником, так же покоровшись звучанию симфонии...

2

Его нашел егерь.

Обеспокоенный долгим отсутствием туриста, Борис на рассвете отправился на его поиски. За ночь навалило много снега. Все следы оказались заметены. Даже выдавшие виды опытные псы не могли взять след. Единственное, что знал Борис, это то, куда именно хотел попасть его гость. Борис подробно объяснил маршрут Степану и снабдил его точной картой. Егерю оставалось надеяться только на то, что путешественник никуда не свернул с пути, ничего себе не сломал и на него не напали дикие звери...

Егерь нашел гостя в старой подсобке. Степан спал, свернувшись калачиком на заледенелом полу в обнимку с волком. Их обоих прилично припорошил снег.

Услышав лай собак, волк встрепетнулся и наострил уши. Встречаться с еще одним человеком и его питомцами зверю совсем не хотелось. Потянувшись и сладко зевнув, волк отряхнулся, прогоняя остатки колдовского сна. Оглядевшись по сторонам, волк потрусил в чащу леса.

Борис придержал собак. Он знал этого волка.

Когда-то давно егерь спас его от браконьеров, устроивших подпольную охоту на диких зверей. Браконьерам было все равно, кого стрелять – волка или лисицу, зайца или косулю, белку или лося. Тогда Борис, заручившись поддержкой в верхах и призвав на помощь разные службы, денно и ночью прочесывал лес в поисках бандитов. Наследили те немало! Поломанные кусты и деревья, растерзанные туши животных, кровь, пепелища костров и горы мусора. Браконьеров нашли здесь же, в стенах подсобки музыкальной школы. Все они спали крепким сном. Никого из них разбудить не удалось. Спустя несколько месяцев бандиты скончались в больнице, не приходя в сознание. Какой вывод и заключение сделали правоохранительные органы, Борис не знал. Для него было важно только то, что браконьеры понесли наказание за содеянное.

А волка егерь тогда вытащил из капкана. Худого, изможденного и обессиленного. Борис выходил зверя и отпустил на волю. Но волк часто захаживал к нему. В основном, чтоб пожить в курятнике...

Егерь подошел к спящему Степану и попытался его разбудить. Он толкал и пинал путника, пока тот не открыл глаза.

Степан с удивлением смотрел на бородатое лицо егеря, не понимая, как тот здесь оказался. И где, собственно, это самое «здесь»? Почему он лежит на снегу? Он спал?

Борис помог путнику встать. Ноги Степана дрожали и подгибались от слабости. Он еле шел, поддерживаемый Борисом, ругающимся на чем свет стоит...

* * *

Первое, что сделал Степан, вернувшись в город, это кинулся к компьютеру, чтобы лучше рассмотреть и распечатать фотографии.

Все они были потрясающими! Четкие, красочные, насыщенные. Все! Кроме фотографий старого здания. Эти снимки были немного странными. Природа, животные и птицы, попавшие в кадр вблизи разрушенной подсобки, выглядели мрачно и зловеще. Деревья, получились более темными и корявыми, с кривыми стволами и сучьями, торчащими в разные стороны. Само здание скрывалось в плотном тумане. Его очертания не просматривались. Дневные и вечерние снимки ничем не отличались друг от друга по контрасту и четкости. Смазанные, размытые пятна и серый бледный фон присутствовали на каждой такой фотографии.

А еще оставалась симфония. При взгляде на туманное облако, окутывавшее древнюю постройку, в голове начинала играть мелодия. Но не та нежная и чарующая, которую смутно помнил Степан, а совсем иная – грубая, прерывистая, глухая и зловещая. Она проникала в сознание, вызывая панический ужас, заставляя внутри все сжиматься и трепетать, вздрагивать от малейшего шороха и пытаться забиться в какой-нибудь угол от беспричинного страха.

Придя в себя после подобной панической атаки, Степан обнаружил себя сидящим в шкафу. Он зарылся в старое постельное белье, которое давно хотел выбросить, но все забывал, потому и сложил его в это место. Выбравшись из своего укрытия, Степан прислушался.

Нет, никакой мелодии не было и в помине. Через приоткрытое окно в комнату проникал холодный зимний воздух. Где-то на улице через небольшой лесопарк шумела трасса. Ее даже можно увидеть, если выйти на балкон. Внизу у подъезда лаяли собаки. Это соседка Марина вывела своих питомцев на прогулку – трех красивых породистых хаски. Мимо окна пролетела ворона, приземлившись на соседнем балконе. Там тетя Глаша оставляла для этих птиц миску с угощением.

Степан закурил и вышел на балкон. Холодный воздух сотнями колючек пронзил его разгоряченное тело. Но это было даже приятно. Он не докурил, затушив сигарету о бортик. Сложив руки на груди, Степан устремил взгляд к закатному солнцу. Кроваво-красному, в обрамлении розовых и фиолетовых облаков, плавно меняющих цвет на бежевый и золотистый, на фоне нежно сиреневого постепенно темнеющего неба.

Он прикрыл глаза. Ему вспомнились тихие и неспешные воды темной вертлявой реки и горбатый мостик, занесенный снегом. Чистота и девственность природы, свобода и простор, но вместе с тем дикая безысходность и отчаяние.

Симфония. Та самая. Нежная, волшебная, чарующая. Она родилась в отдаленных уголках сознания Степана. Но он не мог вспомнить ее целиком, хотя очень этого хотел. Основной мотив непрерывно ускользал от него, мучая томительными и бесплодными попытками воспроизвести в памяти лесную симфонию.

Окончательно измучавшись и замерзнув, Степан вернулся в квартиру. Он поспешил стереть и сжечь неполучившиеся фотографии, оставив только снимки дикой природы в окрестностях здания.

Однако это не помогло...

* * *

С каждым днем, проведенным в городе, Степану становилось все хуже.

Когда-то любимая работа не приносила удовольствия. Начальство требовало идей и креатива, но у Степана их не было. Он чувствовал себя выжатым и уставшим. Все идеи по работе, приходящие на ум, казались серыми и бессмысленными, избитыми и абсолютно ненужными. Молодой человек часами сидел перед экраном монитора и не мог написать ни строчки.

В голове постоянно крутились отрывки симфонии. То мелодичные и красивые, которые хотелось слушать и слушать, соединив в единую музыкальную композицию, то резкие и грубые, вызывающие беспокойство и панику.

Он стал мало есть и перестал спать ночами. Ибо во время сна Степану снились старая подсобка и белоснежный рояль на новеньком блестящем паркете. Рядом с роялем сидел здоровенный волк и тихонько подвывал в такт симфонии, звучащей из инструмента. Клавиши и педали рояля неторопливо опускались сами по себе. Роялю не нужен пианист!

Но эта картина быстро сменялась другой.

Старинный зал старой музыкальной школы, красиво украшенный к празднику. В центре стоит новенький рояль с поднятой крышкой. Перед ним сидит молодой человек в парадном фраке. Он играет красивую и нежную мелодию, непрерывно смотря на нотный стан. Но там

нет нот. Лишь портрет неизвестной молодой девушки, почти ребенка. С задорными ямочками на розовых щеках и пышной копной вьющихся каштановых волос. Она улыбалась с портрета всем, кто ее видел, но прежде всего ему, пианисту.

Потом видение снова менялось.

Охота на волков. Собаки напали на след волчицы. Они гнали ее к притаившимся в засаде охотникам. Вот слышен залиvistый лай гончих, вот среди дальних деревьев мелькнул хвост волчицы, а вот и сам зверь. Охотник приподнялся и прицелился. Новенькое ружье не дало осечки. Пуля попала в лапу зверю. Волчица споткнулась и взвизгнула, но все еще продолжала бежать. Кто-то придержал собак. Охотник выстрелил во второй раз. Точно в цель! Волчица упала в снег и не шевелилась.

Выбравшись из своего укрытия, охотник подошел к добыче. Но на снегу в луже крови лежала молодая девушка, почти ребенок, с задорными ямочками на щеках и копной вьющихся каштановых волос. Ее глаза были закрыты, рот остался приоткрыт в улыбке, больше похожей на оскал. Из раны на ноге текла кровь. А на груди зияла огромная дыра, прорванная пулей плоть вывернулась наизнанку.

Охотником, который убил волчицу, оказался пианист...

* * *

Степан вздрагивал и просыпался, покрытый холодным потом. Он курил и часами стоял у окна, вглядываясь в темнеющую полосу лесопарка или в мерцающие уличные фонари. Равнодушные и бесчувственные.

Молодой человек понимал, что так не может продолжаться вечно. Эти сны и страхи, мучительные попытки вспомнить музыку, звучащую в лесу, изматывали и медленно убивали его. Панические атаки повторялись все чаще, как и страшные сны. Степан нигде не чувствовал себя в безопасности. Ему мерещились волки, казалось, что за ним кто-то постоянно следит, сжимая в руке заряженное ружье. От недоедания и недосыпа он сильно похудел, под глазами пролегли темно-синие круги. Молодой человек шаркался от всех, кроме собак, птиц или кошек, и вздрагивал на каждый мелкий звук...

* * *

Настало лето.

Степан уже два месяца как уволился с работы и сидел безвылазно дома. Он никому не звонил и не отвечал на звонки, ни с кем не общался и не ходил в гости. Все покупки и прочие платы он совершал через интернет, неохотно приоткрывая дверь курьерам, привозившим заказы. Степан не стригся и не брился все это время, потому походил на одичалого тощего и косматого зверя.

Но в этот день что-то изменилось. Во время уборки Степан натолкнулся на обугленную фотографию, затерявшуюся под кроватью. На снимке отчетливо виднелись стройные деревья и тусклые очертания старой подсобки, окутанной облаком белого тумана. Степан прекрасно помнил, что ни на одной из тех фотографий здание не просматривалось и деревья выглядели совсем не так. Что же произошло? И когда? Тогда или сейчас? Или вообще?

Порывшись в папках с документами, Степан нашел телефон егеря, у которого останавливался во время своего зимнего путешествия. Это был первый его звонок за последние месяцы. Голос измученного отшельника звучал хрипло и неуверенно. Кажется, он отвык так долго разговаривать.

Борис его сразу узнал. Гости у него бывали не часто. А тех, кого приходилось разыскивать по лесу, и того меньше! После довольно продолжительного разговора они договорились о встрече...

* * *

Степану не понадобилось много времени, чтобы привести себя в порядок и собрать кое-какие вещи в дорогу. На все у него ушло пару дней. А еще через неделю он встретился с егерем...

Они сидели на открытой веранде перед входом в небольшой деревянный дом. По опорам веранды вился плющ и дикий виноград. Ветви жасмина и сирени протискивались сквозь резную деревянную изгородь строения, наполняя воздух ароматом цветов.

Борис поставил перед Степаном кружку травяного чая и сел напротив, внимательно изучая юношу. Турист сильно изменился. Похудел, осунулся, выглядел уставшим и изможденным, но полным решимости во всем разобраться. Молодой энтузиазм!

– Зачем ты вернулся? – спросил Борис.

– Я хочу понять, что со мной происходит, – честно ответил Степан.

– А что с тобой происходит? – хитро прищурившись, поинтересовался егерь.

И Степан понял, что не знает, как ответить на этот вопрос. Что-то случилось, но что? Что-то сломалось в нем, Степане, но как? Что-то было не так, но когда и по какой причине?

– Не напрягайся, – проговорил Борис, заметив замешательство гостя. – Такое иногда случается в этих краях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.